

Виктория Булдашова

Не входи
в стеклянный дом,

или

Удивительный июнь

*Повесть для любознательных
детей и их родителей*

Виктория Булдашова

**Не входи в стеклянный дом,
или Удивительный июнь.
Книга для любознательных
детей и их родителей**

«Издательские решения»

Булдашова В.

Не входи в стеклянный дом, или Удивительный июнь. Книга для любознательных детей и их родителей / В. Булдашова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748454-5

Большой сибирский город. Начало 2000-х годов. Две подружки-шестиклассницы, Ира и Света, весело проводят время на летних каникулах. Вот только соседка Марья Степановна постоянно мешает им озорничать! Затем неизвестно откуда появляется огромная мышь и начинает злобно преследовать девочек. Да еще оказывается, что это вовсе не животное! Но Ира и Света не теряются: они начинают борьбу против таинственного врага. Подружкам помогает их новый друг Саша...

ISBN 978-5-44-748454-5

© Булдашова В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Как все начиналось	6
Глава 2. Про нас с подружкой	10
Глава 3. Мышь появляется снова	14
Глава 4. Светкины страхи	19
Глава 5. Я играю в паиньку	26
Глава 6. Явление Сашки Иноземцева	28
Глава 7. Кое-что о детском питании и Пикиных фокусах	32
Глава 8. Жуткое путешествие	43
Глава 9. Светка думает	46
Глава 10. Бои без правил	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

**Не входи в стеклянный дом,
или Удивительный июнь
Книга для любознательных
детей и их родителей**

Виктория Булдашова

© Виктория Булдашова, 2019

ISBN 978-5-4474-8454-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Как все начиналось

Я захлопнула дверь и начала на цыпочках спускаться по лестнице. Мне пришлось это делать потому, что очень хотелось незаметно прошмыгнуть мимо квартиры №20. Там живет очень вредная бабка, от которой никому в подъезде житья нет, особенно нам – мне и моей подруге Светке. Старуха эта обожает за всеми подглядывать, подслушивать и всех воспитывать. Вот вчера, например, мы со Светкой долго и громко хохотали на площадке третьего этажа, но не оттого, что такие негодные и невоспитанные (как утверждает эта противнючая Марья Степановна), а потому что удачно облили сверху водой Сашку Иноземцева – нашего одноклассника. Мы его давно уже подкарауливали – с тех пор, как он коварно подставил Светке ножку возле клумбы с «лютиками-цветочками» и моя подружка упала со всего размаха прямо в середину ее, измяв растущую там зелень. Марья Степановна, конечно, увидела это из своего окна и завопила на весь двор:

– Хулиганки! Бесстыжие! И ходить-то толком не умеют! Изломали мои лютики-цветочки!..

Как вы уже, наверное, догадались, эта злосчастная клумба – ее произведение и главная забота. И наши соседи по дому зовут ее так, как назвала Марья Степановна – «лютики-цветочки». Пока я поднимала Светку и помогала ей отряхнуться, бабка так и продолжала верещать из своего окна, а Сашка – гад какой! – стоял рядом и тоже возмущенно закатывал глаза, разводил руками, хватался за голову и т. д. Он настолько мерзко изображал свое порицание якобы безобразного Светиноного поступка, что я не выдержала и закатила ему на прощание здоровую оплеуху. Иноземцев от неожиданности плюхнулся как раз на цветущие ирисы, где только что валялась Светка.

– Молодец! – радостно крикнула моя подружка, и мы с ней тут же удрали под новые соседкины визги:

– Драчуны! Побили мальчишечку! Куда только родители глядят!

Ну, вы сами понимаете: разве можно было эту Сашкину пакость оставить без последствий? Тем более что вчера он сделал на своей глупой башке прическу «ирокез» (типа он панк!) и гордо вышел во двор с высоким сине-розовым гребнем. Марья Степановна, сидевшая на лавочке перед подъездом, разинула рот и вытаращила глаза, забыв даже ответить на «мальчишечкино» тихое и вежливое: «Добрый день».

Сашка любит иногда строить из себя паиньку – есть у него такая слабость. Поэтому наивная бабка никогда и ни за что его не ругает, принимая, видимо, его кривляния за чистую монету. Мы со Светкой видели, как он потом рисовался перед мальчишками в дальнем углу двора, а они с разных сторон рассматривали его дурацкую прическу и, конечно, завидовали. Ясное дело, им-то родители ни за что бы не разрешили сделать такое на своей голове! А вот Сашке все можно, потому что отца его постоянно нет дома – он часто ездит на «вахту»; а мать вообще не обращает на него никакого внимания, и он часто ходит в грязной и рваной одежде. Не помню, чтобы Иноземцев когда-нибудь спешил домой с улицы: знает, что ждать его там особо некому. И многие в нашем дворе ему поэтому завидуют, думая, что жизнь у Сашки сладкая и вольная: что хочет, то и делает. Правда, моя мама думает иначе и называет его «бедным мальчиком», а его мать «легкомысленной женщиной».

Ну, не знаю, бедный он или нет, а нам со Светкой часто от него достается, и мы его терпеть не можем. Потому-то мы и вылили вчера на Сашкину «ирокезскую» прическу целый бидон горячей воды, как только он вышел из какой-то квартиры на втором этаже. Примерно за час до этого мы с подружкой увидели с балкона, что Иноземцев направляется к нашему подъезду, и сразу же побежали посмотреть, к кому это он идет в гости. Но не успели ничего понять, как услышали: хлопнула дверь внизу, под нами. Я сразу предложила подружке план

мести: окатить этого хулигана погорячее, когда он покажется на лестничной площадке! Ждать пришлось довольно долго: Сашка не торопился уходить из гостей. Пришлось несколько раз менять воду в бидоне, а то она остывала. Наконец, опять открылась дверь, Иноземцев сказал кому-то: «До свидания!», и замок внизу шелкнул. Сашка подошел к лестничному пролету, и его «панковская» голова оказалась прямо под нами. И мы тут же опрокинули бидон! Слышали бы вы, как Иноземцев заорал от ужаса! А уж как кинулся бежать вниз по лестнице – любо-дорого было посмотреть! Водичка у нас была ничего себе – не кипяток, конечно (мы ж не звери!), но и не прохладная роса. Мы со Светкой дико захохотали. Эхо заметалось по подъезду, и кругом пооткрывались двери, и люди начали спрашивать друг у друга, что случилось.

Пришлось быстро нырять ко мне домой, пока не застучали. Мы со Светкой быстренько закрыли дверь квартиры и продолжали смеяться – не могли остановиться до тех пор, пока из глаз не потекли слезы. Но тут... раздался звонок в дверь и громкий голос Марьи Степановны сказал в коридоре:

– Это они! В квартире прячутся! Кому еще?! А родителей нету, конечно...

У нас пропал, естественно, всякий смех. Мы услышали перед дверью еще много голосов и поняли, что зловредная соседка решила всем в подъезде доказать, какие мы негодные хулиганки, и уже кричала на площадке:

– Там они, паршивки! Открывать не хотят! Надо дверь ломать!

Но какой-то мужчина внушительно сказал:

– Ну, дверь ломать мы не имеем права. За такое и под суд можно попасть. Да, может, и не девчонки хулиганили? И дома их нет?

Бабка, конечно, завизжала:

– Как же! Нет! Там сидят, паразитки!

Еще чей-то бас проговорил:

– Этого мы не знаем. И кто видел, что именно они воды налили? Значит, нечего и в квартиру звонить.

Мы со Светкой перевели дух: у нас появилась надежда, что все еще, может, и обойдется. И точно, голоса стали затихать; соседи, видимо, разошлись по своим квартирам. Мы уже хотели радостно крикнуть: «Йоу!», как за дверью послышался еле слышный шорох и чье-то хрипкое дыхание. Мы обе замерли – конечно, это «бабка из двадцатой», как мы между собой часто звали Марью Степановну, подслушивала через замочную скважину. Так прошло несколько минут, и лишь потом прошаркали удаляющиеся шаги и до нас донеслось бормотание:

– Ну, ничего, паршивки, долго там не просидите... Все равно мимо пойдете, куда денетесь...

Мы с подружкой со страху проторчали дома до вечера. Светка забоялась к себе на пятый этаж бежать: вдруг кто-нибудь увидит, что она от меня выходит? Наверное, Марья Степановна тоже в своей квартире волновалась, подкарауливая нас: не выскочим ли? Так мы и сидели, вздыхая и даже почти не разговаривая из-за мрачной безвыходности нашего положения. Но вдруг подружка, стоящая у окна, хлопнула меня по плечу и показала пальцем во двор: там, семена изо всех сил, Марья Степановна со своей огромной продуктовой сумкой спешила в сторону универсама. Проголодалась, видать, противная старушенция! А бежала так, конечно, потому, что хотела поскорее вернуться и успеть подкараулить нас. Как только она скрылась за углом дома, мы вскочили, как сумасшедшие, и кинулись на улицу. Я еле вспомнила схватить ключ и захлопнуть дверь. Мы вылетели, как пробки, из подъезда, стгоряча пробежали еще три двора и только потом брякнулись на какую-то лавочку. Довольные, посидели на ней часок, еще посмеялись над Сашкой и одураченной бабкой и гуляющей походкой, как ни в чем не бывало, вернулись к нам во двор. Марья Степановна, сидевшая со своей сумкой на скамейке у подъезда, увидев нас, горько махнула рукой и, пробормотав что-то вроде:

– Ну, ничего, завтра посмотрим... – в ответ на наше вежливое: «Здравствуйте!», стала подниматься по ступенькам, с трудом волоча за собой сумку.

Даже жалко ее стало: старалась бедная бабулька, сторожила опасных преступниц, да так ничего у нее и не получилось. Правда, она бы нас точно не пожалела, если бы выследила выходящими из моей квартиры.

В общем, вчерашнее приключение закончилось для меня и Светки вполне благополучно: и Сашке мы отомстили, и сами не попались. Но вот интересно, что имела в виду «бабка из двадцатой», когда собиралась завтра (то есть уже сегодня) посмотреть? От нее ведь чего хочешь можно ожидать, и потому, как ни хотелось мне сейчас побыстрее выскочить из темного подъезда в залитый солнцем двор, я шла все же на цыпочках, очень осторожно, чтобы Марья Степановна не услышала.

Вот и ее дверь... Мимо, мимо поскорее! С сильно бьющимся сердцем я миновала это опасное место и уже хотела скатиться вниз по лестнице, но тут щелкнул замок. Дверь, скрипнув, отворилась, и я услышала свистящий шепот старухи:

– Ирка, а Ирка, погляди-ка сюда...

– Чего вам? – я нехотя повернула голову в ее сторону.

Бабка стояла на пороге и злорадно смотрела на меня. На ее ладони лежал какой-то большой черный клубок. Вдруг он развернулся, и я увидела, что это... огромная мышь. Я невольно отпрыгнула назад, а зверек сел на задние лапки, страшно оскалился и... подмигнул мне. Я подумала, что схожу с ума, и не могла отвести глаза от этой необыкновенной мыши, забыв даже про Марью Степановну. Но бабка сама напомнила о себе, проговорив:

– Что, видела где-нибудь такую?

– Нет, – пробормотала я похолодевшими губами.

– И не увидишь... И ближе не узнаешь, если хулиганить перестанешь. Но смотри! Видала, какие у нее зубы? – и бабка постучала своим синим ногтем по мышьиной пасти. – Она теперь за тобой всюду следить будет – вместо меня. От нее не убежишь! Очки ей не вотрешь, будто ты примерная! И Светки твоей это тоже касается. Поплатитесь мне обе, дрянные девчонки!

Старуха наклонилась и стряхнула мышь на пол. Я в ужасе попятилась к лестнице, закричала и чуть не загремела вниз, еле успев схватиться за перила. Марья Степановна довольно захихикала и хотела уже закрыть дверь, но внезапно я услышала рядом сердитый голос подружки:

– А почему вы нас с Ирой постоянно обзываете? Кто вам дал на это право? То мы паршивки, то паразитки, то хулиганки, а теперь дрянные девчонки. Вот скажем родителям, как вы тогда запоете?

Старуха злобно прищурилась и, мне показалось, сделала какой-то знак мизинцем, а потом сразу захлопнула дверь. Светка вдруг завизжала. Я посмотрела на подружку и обомлела: сзади на ее ноге, вцепившись зубами под коленкой, висела та самая мышь и, кажется, старалась вгрызться еще глубже, помогая себе всеми четырьмя розовыми лапками. Я, не задумываясь, с размаху пнула ее туфлей, и кусака отлетела в угол. Светка замолчала и бессильно опустила на пол. Я кинулась, чтобы ей помочь, и мы с ней, вытаращив друг на друга глаза, сели у стены, взявшись за руки. Я посмотрела в угол: мыши там уже не было, она куда-то исчезла. Подружка, зажав рукой довольно глубокую ранку на икре, беспомощно смотрела на меня. Я сразу почувствовала прилив сил, бодро встала и под мышки подняла ее на ноги. В конце концов, главное было сейчас уйти от этой злосчастной двери, да и ранку на Светкиной ноге надо было обработать. Я еще раз огляделась: куда же все-таки пропала мышь? Не маленькая ведь и жирная такая! А, ладно! Пусть она хоть под землю провалится. Я сказала Светке:

– Пойдем скорее ко мне. Дома сейчас никого нет, мы тебе ногу перевяжем.

Светка кивнула и пошла наверх, шагая как деревянная; я следом. Только когда я протерла дома подруге укус перекисью водорода, смазала мазью и забинтовала, она наконец-то смогла заговорить и, естественно, спросила:

– Что это было?

Пришлось рассказывать с самого начала. Я напомнила подруге о вчерашней угрозе старухи «завтра посмотреть», потом поведала Светке о моем сегодняшнем параде-алле через подъезд, о коварном явлении Марьи Степановны в дверях квартиры, о странной мышке на бабкиной ладони, о явно разумном поведении грызуна, о последних старухиных словах перед самым приходом Светки и – главное! – о знаке мизинцем, который Марья Степановна подала своему жуткому зверю.

– И получается, – закончила я, – что мышка укусила тебя по бабкиной указке. Старуха натравила ее, чтобы отомстить за твой наезд сейчас в подъезде – да и за прежние дела заодно!

Услышав такое объяснение, моя подружка сморщилась, посмотрела на забинтованную ногу и неуверенно сказала:

– Но ведь этого не может быть.

– Да, не может, – подтвердила я. – Но есть.

Мы долго молчали, не зная, что и думать. Поверить в подобные сказки, с одной стороны, было нельзя, но с другой... вроде и мы с ней не полные дуры, нормально видим и слышим. Да и укус на Светкиной ноге говорил сам за себя. Наконец подруга моя расплакалась и сказала, что больше говорить об этом не хочет и пойдет к себе домой. И ушла, оставив меня одну размышлять о нашем приключении, потому что я-то никак не могла забыть о нем даже на время. И дальнейшие события показали: я была права! Как вы сами понимаете, удивительное в нашей со Светкой жизни еще только начиналось. Я очень подробно описала фантастическое начало июньской истории – и лишь потом расскажу о себе и своей жизни. Отчего? Оттого, что должны же вы понять, по какой причине я решила сделать достоянием публики мои и Светкины приключения. Ведь согласитесь: уже и зародились они необыкновенно! Но есть, конечно, среди вас и скептики, которые скажут: «Это глупые выдумки. Чудес на свете не бывает». Особенно, я замечаю, часто так говорят хмурые мальчишки, солидные дядьки и самоуверенные тетеньки, которые все на свете знают – чуть ли не на Марсе побывали. А вот остальные, кто любит приключения и верит в чудеса, – те вперед! Я все вам расскажу, как было, а Светка, если надо, мне поможет.

Глава 2. Про нас с подружкой

Теперь давайте ближе знакомиться. Зовут меня, как вы уже, конечно, догадались, Ира. Лет мне недавно исполнилось двенадцать. С тех пор, как себя помню, я живу в городе Омске, в одном пятиэтажном доме на улице Гагарина. Поэтому, сами понимаете, и я всех знаю в нашем доме, и меня тоже все (хм-м, но лучше бы некоторые не знали – Марья Степановна, например, или Сашка Иноземцев). Со Светкой, своей одноклассницей, я тоже дружу уже давно – как говорится, с юных лет. Ведь мы не только с первого класса сидим за одной партой, но и живем в одном подъезде: я на третьем этаже, она – на пятом. Светка – хорошая подруга. Безотказно поддерживает действием мои смелые идеи, хотя по натуре она вообще-то осторожна, любит без помех поразмышлять о чем-нибудь и никогда никуда не спешит. Меня это, правда, порой раздражает. Вот недавно, например, мы с ней решили поразвлечься. Взяли старый папин микрофон, подсоединили его к мощной колонке от домашнего кинотеатра и выставили ее напротив открытого окна. Окно хорошенько занавесили тюлем, чтобы нас не было видно с улицы. Кто ни проходил внизу по улице, о каждом мы отпускали замечания, которые благодаря микрофону разносились на целый квартал! Светка, например, спрашивала меня писклявым голосом пай-девочки из старого мультфильма:

– Послушай, дорогая, ты не знаешь, почему у тетеньки в желтом платье такая толстая попа?

Тетенька при этих словах, конечно, подпрыгивала, как огромный золотистый мяч, и начинала нервно озираться по сторонам. Тогда я отвечала Светке в микрофон ехидным голосом Марьи Степановны:

– Ня знай, милая! Она там киосчек стоит, где пончики продают. Вот она там все пончики съела и сразу растолстела!

При моем заявлении прохожие начинали хихикать, а тетка рысью срывалась с места, чтобы поскорее убежать.

– Ах, что ты говоришь, моя дорогая! – пронзительно пищала Светка. – Все она съест не могла, их там тысяча!

– Ну, можа, и не все, – рявкала я в ответ. – Столько-то, ей, сердешной, трудно зараз слопать. Остальные, что не смогла, в сумке несет. Дома отдохнет маленечко и доест!

Тут мы замечали, что тетеньки вместе с сумкой, якобы набитой пончиками, уже и след простыл. Прохожие смеялись, смотрели на окна и пытались понять, откуда несутся голоса. Мы же тем временем избирали себе следующую жертву, и игра начиналось сначала. Так мы веселились уже где-то с полчаса, когда я увидела на другой стороне улицы Светкиного папу, только что сошедшего с «маршрутки» и собиравшегося переходить дорогу. Подружка, конечно, в этот момент никого не видела, кроме какого-то мальчишки, которому крупно не повезло: его велосипед сломался как раз под нашим окном, и он пытался его побыстрее починить. Но из этого ничего не получалось, потому что Светка, почти рыдая, нежно шептала ему в микрофон:

– Ах, милый мальчик! Мне так тебя жалко, я уже плачу! Брось свой велик, все равно не сделаешь. Это же знаменитая «Машина Би-Би-Си: шаг проехал, три неси...»

Я толкала подружку в бок, показывала пальцем на ее папу, который уже подошел близко к дому, остановился и с интересом слушал Светкино выступление. Но девчонка не могла перестать вопить: уж очень забавно злился внизу хозяин «Машины Би-Би-Си». Он крутил головой, шарил глазами по окнам, грозил в бессилии кулаками. В этот момент подружка почувствовала усталость и остановилась, чтобы перевести дух. Я еще раз показала ей пальцем на папу возле окон, она испуганно округлила глаза и... Вы думаете, бросилась бежать? Ничего подобного! Она была в ударе и спешить не хотела. Это я в панике оттаскивала колонку в глубь комнаты

и пыталась выдернуть из гнезда шнур микрофона. Светка не дала мне испортить свой последний комментарий, который она отпустила велосипедисту на прощанье:

– Смотрите, какой славный малыш! Крякнулась его «Би-Би-Си», а он ее чинит, старается, пяткой опирается! Про него даже стихи есть:

Этот чистит валенки,
Моем сам калоши,
Он, хотя и маленький,
Но вполне хороший...

Тут мне удалось, наконец, разжать подружкины пальцы, которыми она прижимала штекер микрофона к входу колонки. Если бы не это, она, пожалуй, долго бы еще завывала. И тогда быть нам разоблаченными и наказанными! Правда, Светка все еще продолжала что-то бормотать и размахивать руками, пока я за руку тащила ее к выходу из квартиры, открывала дверь, выталкивала на площадку и потом волокла вниз по лестнице. Только оказавшись на улице, моя подруженька очнулась, со страхом крикнула:

– Сейчас папа придет! – и быстренько побежала со мной за соседский гараж, чтобы спрятаться там от уже выходящего из-за угла папочки. Добежав, она упала на кучу песка и жалобно сказала мне:

– Ир, ну посмотри! Вдруг он уже во дворе меня ищет?

Выглядывать мне, понятно, не хотелось. Ведь это был именно Светкин отец, и если он сейчас найдет здесь двух голосистых озорниц... Мне-то пока ничего не будет, а вот подружке... Ух! Так что, может, лучше бежать дальше? Я все же потихонечку высунулась из-за гаража и увидела, что страхи наши напрасны. Светкин папа уже был у двери подъезда и собирался войти в него. Я с облегчением опустила на песок рядом с подругой и сказала:

– Пронесло! Домой пошел! – и мы с восторгом обнялись.

Правда, я вскоре поняла, что хочу пойти на ту сторону дома и все же посмотреть (осторожненько!), починил ли «малыш» свой велик. Но Светка мне не позволила – доказала, что лучше здесь отсидеться («А то вдруг нас папа из окна увидит?»).

Вот так, без серьезных последствий, закончилась наша проделка. Но что могло бы быть, если бы я не остановила (хотя и с трудом, и поздновато!) подружьино словоизвержение? Ведь еще немного, и ее папа успел бы засечь нас если не в подъезде, то во дворе точно. И, конечно, родители опять собрались бы вместе или у них дома, или у нас. И поставили меня и Светку рядом друг с другом, и стали бы стыдить и ругать... Да что говорить! Такие «родительские собрания» (как мы их с подружкой называем) время от времени случаются в нашей жизни, потому что моя и Светкина семьи между собой дружат. Что дружат – это здорово, конечно. Но и отвечать за проказы приходится вдвойне тяжелее – ругают-то нас вчетвером! И до того согласованно: ну, просто русский народный хор! То басы вступают – папы, то сопрано – мамы. А мы молчим, сопим и слушаем концерт.

Наши отцы работают вместе в одном цехе на заводе. Они старшие мастера на своих участках и вечно обсуждают между собой «вечные темы производственного процесса», как говорит моя мама. Она у меня – учитель в школе, преподает историю. Вот и сейчас вроде бы июнь, каникулы, мы со Светкой забыли уже про надоевшие уроки. А у мамы – отчеты, консультации, выпускные экзамены. Поэтому мы с подружкой охотнее торчим у нас, чем у них. Мои родители уж точно проведут весь день на работе, а братик Митька – в садике, они его после работы заберут. А нам, конечно, в квартире – раздолье; мы здесь одни, что хотим, то и делаем. А у Светки только папа с утра на работе, мама же чаще бывает в это время дома. Тетя Таня сейчас заканчивает заочно институт и сдает свою последнюю сессию. Поэтому взяла на июнь отпуск и готовится к экзаменам. Ее, конечно, вполне устраивает, что мы со Светкой проводим

время у нас, и она может спокойно заниматься. Ха, спокойно! Конечно, мы не позволяем себе особенно бурных скачек, когда знаем, что тетя Таня в любой момент, спустившись сверху, может позвонить в дверь и спросить, что мы делаем, или, там, позвать нас обедать. Мы бы, конечно, не устроили этого развлечения с микрофоном три дня назад, если бы тетя Таня с утра не поехала сдавать экзамен в свой институт. А Светкин папа, как после оказалось, пришел тогда с завода домой потому, что забыл на столе какие-то документы (и он, и мой папа иногда берут работу домой и что-то еще по вечерам пишут и считают). К нашему с подружкой счастью, он очень торопился назад на завод. Поэтому быстро забрал бумаги и ушел, так ничего и не успев просечь. Повезло нам! Но вечером, Светка говорит, он очень хитро улыбался, глядя на нее. Даже ее мама спросила:

– Что это ты сегодня такой веселый? План, что ли, на участке перевыполнили?

Но он только засмеялся и покачал головой. В общем, пронесло нас мимо беды! Хотя и остались, как говорится, на подозрении.

И еще (я вам уже говорила) у меня есть братик Митя. Я его очень люблю (правда, поддаю ему иногда, когда вредничает). Он еще ходит в детский сад, но уже в подготовительную группу, и поэтому страшно важничает. Придя вечером домой, садится с усталым видом в кресло (прямо как папа!) и солидно сообщает:

– Сегодня у нас на занятиях письмо было. Я больше всех палок нарисовал. Так пальцы болят... – и трясет в воздухе рукой.

Я, чтобы не фыркнуть, утыкаюсь в журнал. Мама строго смотрит на меня и говорит Митьке:

– Ну и молодец! Иди скорее ужинать, раз устал. Пора работнику подкрепиться!

Брат, понятно, завидует мне, что я учусь в школе, раньше него прихожу домой и мне не приходится спать днем. Он просто не знает, как иногда надоедает учиться и как хочется, чтобы поскорее наступили каникулы. Когда я говорю ему об этом, он не верит и вздыхает:

– А мне бы не надоело! Зато у тебя сончасы нет!

Митя ждет – не дождется, когда, наконец, перестанет ходить в садик – а осталось ему совсем немного (до конца июня). Потом у малыша – торжественный выпускной утренник и... каникулы. Это он сам так упорно называет два летних месяца, которые останутся до первого сентября, когда карапуз станет школьником. Брату кажется, что он тогда сразу во всем сравняется со мной. Наивный пупсик! Куда ему! Правда, кое на что Митя надеется не напрасно: скоро он, оставаясь днем дома, сможет гораздо свободнее везде таскаться за мной и Светкой и выведывать наши секреты. К счастью, моя мама выходит в отпуск сразу после братишкиного выпуска из садика, «чтобы ребенок не бегал по двору без присмотра» (по ее выражению). Так что бутуз будет под маминым попечением. Но все-таки скрываться от его любопытного курносого носа нам будет куда труднее, чем раньше. Я думаю (и Светка со мной согласна), что Митька – прирожденный шпион. Все умеет: и незаметно наблюдать, делая вид, что увлеченно играет, и следовать за нами короткими перебежками, и чуть ли не по-пластунски ползать. Честное слово, не вру! Однажды прошлым летом он появился буквально из ниоткуда посреди огромного пустыря, заросшего травой, и заорал: «А я здесь!» – прямо мне в ухо. У меня просто в глазах потемнело и волосы на голове зашевелились. А он хохотал, поросенок белобрысый! Мальчишка сумел так ловко к нам подобраться, что даже осторожная Светка, которой было поручено быть часовым, его не увидела и не услышала. По земле, конечно, полз, как Чингачгук – Великий Змей. И хоть бы одна травинка шелохнулась! Впрочем, ничего запрещенного взрослыми мы с подружкой тогда не делали, а просто играли в «Бригаду» (есть такой фильм – вы видели, наверное?). Поэтому Митькина разведка закончилась пшиком! К тому же карапуз сильно поцарапал себе руку, и за это его потом ругала мама (как же, как же, – на заброшенном пустыре много ведь всякого железного хлама валяется – вот и схлопотал неприятность, шпик

несчастный!). А вообще-то братишка э любит выведать что-нибудь про меня, а потом шептать, например:

– Отдавай быстро половинку пирожного, а то я сейчас маме расскажу, как вы со Светой по гаражам скакали!

Приходится отламывать шантажисту кусок лакомства, деваться некуда. Такой вот Митька противный шкет. Но я все равно его люблю, хотя могу и стукнуть за подобные угрозы, когда мамы рядом нет. Я понимаю, что братик хочет быть большим, как я, и то же самое уметь. Хорошо понимаю малыша: давно ли сама была дошкольницей? Поверьте, приятного в этом звании мало! Поэтому я особо на Митьку за его делишки не сержусь. Тем более, что сейчас он пока еще ходит в садик и скрываться от шпиона нам со Светкой приходится только по выходным. Вот уж кончится июнь, тогда и будем думать, как с мальчишкой бороться. Самое главное, что начались каникулы, шестой класс мы со Светкой закончили хорошо (у меня в табеле всего три «четверки», а у Светки – две, остальные «пятерки»), и можно долго гулять, играть сколько хочешь и много читать. Да, читать мы с подружкой очень любим, хотя это сейчас и не модно. Некоторые дурачки над нами поэтому даже смеются и орут:

– Вот ботанички! Над книжкамидохнут!

Но нас со Светкой это не волнует. Мы обожаем приключения и детскую фантастику (ну, там произведения Фенимора Купера, Майн Рида, Кира Булычева). И еще запоем глотаем детские детективы из серии «Черный котенок». Есть, конечно, среди них и неубедительные, и даже глуповатые, но все равно читать их интересно. У меня дома – своя отдельная полка книг, и Митька знает, что трогать их нельзя ни в коем случае. Остальные вещи брать иногда можно с моего разрешения – даже юбку разрешается надеть, если брату побеситься хочется. Но вот книги – никогда! Иначе шпендик их давно бы изрисовал или наделал из страниц самолетиков. Вот когда подрастет, научится хорошо читать и станет таким же «ботаником», как мы со Светкой – тогда пусть берет. Я знаю: на самом деле читать хорошо, а не позорно. И удовольствия от этого получаешь куда больше, чем от любой из компьютерных игр – ведь в них в основном одно и то же. Мы с подружкой тоже иногда играем на компьютере (у нее дома или у меня), но нам это быстро надоедает. А вот книгами постоянно обмениваемся и подолгу их обсуждаем. Наши со Светкой родители тоже любят читать и нас к этому приучили.

Ну, и еще, как вы уже, конечно, догадались, мы с подружкой любим всякие шалости и проделки. Иначе жить скучно! И книгу про Карлсона уже по пять раз перечитали. И каждый раз хохочем и жалеем, что этот толстячок с пропеллером – не наш друг. Вот бы мы с ним напроказничали! А Марья Степановна, по-моему, очень похожа на фрекен Бок. Не знаю, правда, умеет ли она печь вкусные плюшки. Но тишину и тоскливый порядок любит так же. И если бы могла, так же запирала бы нас со Светкой в комнате, как «домомучительница» несчастного Малыша. Вот напустила же она на нас сегодня мышь! И, если подумать, слишком уж удивительную мышь. Может, это мне только показалось? Но ведь я ее очень ясно видела. Да и Светку она потом укусила до крови, и это уж нам обеим не приснилось! Одно хорошо: эта зверюга хотя бы исчезла бесследно. Подружку, правда, жалко. Вот часто с ней так: медлит, осторожничает, рассчитывает, как бы в неприятность не попасть. Зато потом уж не вытерпит и такое выдаст, что вся наша конспирация идет насмарку! И надо ей было сегодня читать Марье Степановне лекцию о хороших манерах, да еще и грозить, что мы пожалуемся родителям... И момент выбрала – лучше некуда! Как говорится, ответили угрозой на угрозу...

Ну, кажется, достаточно я вам рассказала. Сейчас уже придет с работы мама, надо подогреть ей суп и немного прибрать в доме. Завтра, когда проснусь и выпью кофе, буду снова все вспоминать – как фантастически складывались события в этом июне...

Глава 3. Мышь появляется снова

Мне кажется, утро – самое лучшее время суток. Особенно сейчас, летом, когда не надо бежать в школу и можно спокойно посидеть у открытого балкона... В комнату веером влезают солнечные лучи, сквозит прохладный ветерок. В одной руке у меня чашка кофе, в другой бутерброд. Просто блаженство. А ведь день еще только начался, и сколько интересного может случиться до вечера!... Впрочем, нет. Хватит нам со Светкой того – ну, очень интересного! – что произошло недавно и закончилось неделю назад. И уверяю вас, этих приключений оказалось для нас, и для Сашки Иноземцева, и еще для некоторых других (речь о них впереди) вполне достаточно. Мне в последнее время что-то и шалить не хочется. Светке, по-моему, тоже. Вот так порезвились...

Ну, все. Я доела свой завтрак. Теперь буду рассказывать, что было дальше после того, как Светка с забинтованной ногой ухромала к себе домой. Я решила не ходить больше мимо бабкиной двери – ну, хоть до вечера, пока родители с Митькой не придут.

Я боялась той зубастой мыши. Конечно, очень хотелось выбежать на улицу, на солнышко – но ведь для этого требовалось сначала пройти через подъезд... Нет, ни за что! Лучше дома посижу, «Зверобоя» почитаю, подальше от неприятностей. Я еще не знала, как сильно ошибалась, считая свой любимый диван безопасным местом. Но пока наивно на это надеялась! Правда, на всякий случай я проверила, хорошо ли закрылась дверь за Светкой. Оказалось, нормально. Успокоенная, я с аппетитом поела и упала с книжкой на пружинные подушки. Как обычно при чтении, я увлеклась настолько, что очнулась лишь от звука лязгнувшего в прихожей замка и оживленных голосов мамы и Мити. Я вскочила и побежала их встречать. Братишка сразу обнял меня – соскучился за день. Мама поцеловала мою макушку, сунула в руки кучу пакетов и велела нести на кухню. На душе сразу стало легко и весело. Я начала болтать с Митькой, бегать с ним по комнатам – и сразу забыла об утреннем происшествии. Все было прекрасно в моей жизни, – а значит, в мире. Кажется, я давно не была в таком хорошем настроении. Скоро пришел с работы папа, мы поужинали, выпили чаю с печеньем. Митя, выскочив первым из-за стола, потянул меня за руку в комнату, прося почитать ему сказку («Азбуку» он у нас уже освоил, но вот «Маленького Мука», понятно, еще разобрать сам не может – а это его любимая сказка). И тут папа, улыбнувшись, спросил у мамы притворно-строгим голосом:

– Скажи, Леночка, как себя вели сегодня наши дети?

Мы с братом сразу поняли, в чем дело, и закричали:

– Хорошо!

Мама засмеялась. Было ясно: сейчас я и Митя получим подарки. Карпуз уже был возле папы и смотрел, что он вынимает из пакета – чуть свой нос туда не засунул. У меня от любопытства даже в горле похолодело. Но я ведь не такая малявка, как брат, поэтому стояла спокойно и молча – конечно, мысленно гордясь своей выдержкой. Но тут же вздрогнула от Митькиного крика «Ура!» и последовавшего за ним оглушительного выстрела. Брат получил наконец-то пистолет с пистонами! Я была так рада за него, что даже не обиделась, когда он оттолкнул меня от кухонной двери и пробежал прямо по моим ногам в комнату, чтобы там пострелять на свободе. Но тут что-то зашелестело в папиных руках, и я увидела, обернувшись... Нет, я не сразу в это поверила. И лишь когда взяла от папы свой подарок, завопила от радости и стала обнимать родителей. Это был пушистый рюкзачок в виде мягкой игрушки – слоненка! Я давно такой хотела, но все как-то не получалось. То денег в семье не было, то те сумочки, которые мне показывали в магазине мама с папой, не нравились. А эта – просто прелесть! Я выскочила из кухни с подарком, чтобы показать его Митьке. Братишка еле виден был в густом синем дыму, наполнившем комнату. Он стрелял из своего пистолета, носясь, как ракета. Но рюкзачком моим, конечно, сразу заинтересовался, повертел его в руках и сказал:

– Грамотно! – это у него высшая степень похвалы. Подумав, добавил: – Но плохо, что не стреляет.

Мне стало смешно: я представила себе, что слоник вдруг начал стрелять, и из-под его лопушистых ушей, приподнимая их в воздух, полетели теннисные мячики и повалил дым. Вот один мячик щелкнул карапуза по лбу. Мальчишка выпучил глаза и уронил на пол пистолет... Я весело хохотала над Митькой, увидев мысленно эту картину. Шпендику не понравился мой смех. Брат подозрительно покосился на меня, подумал и сказал:

– А я тебе свой пистолет не дам. Вот!

Теперь довольно улыбался Митька, а я хмурилась. Надо же, вредный клоп! Мне, родной, любимой сестре – не даст пистолет! Увидев, что я рассердилась, и от удовольствия шмыгнув носом, братишка важно добавил:

– И не трогай его! И не бери в руки: я не разрешаю.

Тут он совсем раздулся от гордости за свою находчивость – как же, старшую сестру уел! Конечно, сразу получил от меня подзатыльник, заревел и побежал в кухню жаловаться маме. Слушая, как он там верещит и называет меня дурой, я подошла к креслу, села в него и увидела брошенный братом пистолет.

– Ага, – обрадовалась я, – сейчас я его запрячу! Пусть этот плакса поищет и еще поноет.

Я уже наклонилась, чтобы поднять игрушку, но тут из-под кресла раздался сильный шорох. От неожиданности я резко выпрямилась и больно ударилась головой о край стола. Шуршание раздалось снова, но уже тише. Прижав пальцами быстро вспухавшую на затылке шишку, я завизжала от страха и залезла с ногами в кресло, потом встала в нем и, видно, продолжала кричать... В комнату вбежали мама, папа и Митька и бросились ко мне. Папа схватил меня, снял с кресла и прижал к себе. Мама дрожащей рукой гладила мое плечо и спрашивала:

– Ира, Ирочка, что с тобой? Доченька, почему ты кричала?

Я, уже придя в себя, показала пальцем под кресло. Митька сразу же, пыхтя, полез туда. Поползав некоторое время на четвереньках, братишка встал на ноги и объявил:

– Там пусто!

– А что там могло быть? – спросил папа.

Мама тревожно посмотрела на меня и тоже заглянула под кресло. Но и она, видно, ничего не обнаружила, потому что с облегчением рассмеялась и прижала меня к себе, оторвав от папы.

– Впечатительная ты у нас, – сказала мама. – Ну ладно, успокойся. Дыма Митя напустил полную комнату, вот тебе что-то и привиделось. Никто внизу не прячется, взгляни сама.

Посмотреть, конечно, хотелось, но я не стала. Не будешь же объяснять домашним: я не увидела страшное – я услышала! А что сейчас под креслом пустота, это и так ясно. Шишка на голове загудела сильнее, я скривилась от боли. Мама ахнула, когда отодвинула мою руку и нащупала под волосами огромный бугор.

– Идем скорее в кухню, приложим лед, – сказала она мне и повела лечить вон из комнаты.

Я слышала, уходя, как папа отодвигает штору, чтобы распахнуть окно. А Митька, найдя на полу свой пистолет, радостно кричит:

– Вот он, мой пестик! А я уже и забыл про него!

Мама вынула из холодильника ванночку со льдом, вытряхнула из нее два прозрачных кубика, завернула их в салфетку и дала мне, сказав:

– Приложи скорее.

О, какое облегчение – действительно! Боль сразу уменьшилась, а приятная прохлада на голове окончательно успокоила меня. Но тогда я сразу начала думать – легко догадаться о чем: кто же шуршал под креслом? Конечно, первая мысль была: мышь. Наверное, пробралась к нам в квартиру, когда родители с Митей пришли. Кажется, эти мелкие зверьки могут шмыгать мимо людей тихо и незаметно. Но ведь когда зверюшка сидела на ладони у Марьи Степановны, она показалась мне не такой уж маленькой! Даже, честно сказать, очень крупная

была мышь! Мама могла ее не заметить, но вот Митька – вряд ли. Он у нас знаете какой глазастый – все увидит! Правда, папа пришел позже и мог впустить ее. Но нет: он большой аккуратист. Прежде чем войти, всегда тщательно вытирает ноги перед дверью и смотрит при этом вниз, чтобы коврик не съехал в сторону. Папа обязательно заметил бы зубастую и, конечно, не пустил бы в дом. Но как тогда она оказалась под креслом?

От этих мыслей я завертелась на стуле. Мама, сидящая рядом со мной и делающая вид, что читает газету, сразу встрепелась и спросила:

– Что, Ирочка, опять больно?

– Нет! – с досадой сказала я. – Это я усиленно мозгами шевелю...

– Конечно, дочка, – очень серьезно сказала мама. – С людьми иногда происходят события, от которых они покой теряют и усидеть на месте не могут. Наверное, с тобой случилось нечто подобное?

– Да, – вяло призналась я. – Но только, пожалуйста, ни о чем меня не спрашивай.

– Ладно, – согласилась мама. – Но, может, ты сама захочешь поделиться со мной пережитыми страхами? А потом мы вместе придумаем, как от них избавиться.

– Нет! – испуганно сказала я. – Ничего я не скажу.

Чем я могла поделиться с мамой? Это ведь не ссора с одноклассниками и не «тройка» по математике. Мама наверняка не поверила бы ни в угрозы «бабки из двадцатой», ни в подмигивающую мышь, ни в ее дальнейшее зловерное поведение. Да и не могло быть этой зверюшки у нас дома! Не сумела бы она проскочить незаметно! Да... но кто же тогда шуршал подо мной? Кто?!

Я почувствовала, что шишка на моей голове снова налилась огнем. И лед, оказывается, уже растаял. Я встала с места, подошла к раковине и пустила в нее холодную воду. Набрала в ладони шипящую струю и с наслаждением умылась. На больное место тоже поплескала водичкой. Жить опять стало легче, а думать веселей. Мама, оказывается, уже ушла с кухни, пока я умывалась. Видно, решила, что я уже вполне пришла в себя и хочу поразмыслить в одиночестве. Молодец у меня мама, все всегда понимает – даже когда и не знает, что должна понимать!

Так, начнем сначала. Вчера, не сумев уличить нас в озорстве, Марья Степановна угрожающе пробормотала, что сегодня она «посмотрит». Нынче утром она показала мне на ладони здоровенную мышь и пообещала, что та теперь постоянно будет следить за мной и за Светкой и что от нее уж не убежишь. Потом черная нахалка укусила подружку за ногу, мстя ей за вполне, надо сказать, справедливые слова в бабкин адрес. Но потом – она исчезла! Куда? Ведь лестничная площадка очень маленькая, двери на ней были закрыты, а в углах уж точно нет ни одной норки, способной скрыть в себе такую толстую зверюшку! То есть, получается, она растворилась в воздухе... Ерунда какая-то. А потом, значит, полчаса назад снова появилась – уже под моим креслом. Еще лучше. Просто не мышь, а привидение – только, надо сказать, очень упитанное и кусачее.

Стоп! А почему я так уверена, что под креслом была именно она? Я же ее не видела. Мало ли что там могло шуршать... Или кто... Но ведь ни кошки, ни собаки, ни даже черепахи у нас нет. В моей голове тихо зазвенело, словно я опять стукнулась о стол. Я обреченно почувствовала, что внутри она совсем пустая, как воздушный шар. Сейчас оторвется и полетит. Только волосы на ней причесывать – забота лишняя.

Мне раньше казалось, что я вроде бы не глупая и характер у меня решительный. Но тут просто не знала, что думать и – самое главное! – как действовать. Была мышь или нет? А если была, то зачем приходила? Я ведь, кажется, ничего запретного не делала – не «пакостила», как выразилась Марья Степановна. Тут какая-то мысль промелькнула в моем мозгу, но снова исчезла. Я чуть не заплакала от собственного умственного бессилия.

Ну, нет! Так дальше нельзя. Надо пойти в комнату и опять заглянуть под кресло. И пусть Митька с мамой ничего там не нашли, а я вот посмотрю!

Испытывая жажду хоть какой-то деятельности, я выскочила из кухни и влетела в комнату. Вот удача! – там никого не было. Я опустила на четвереньки и влезла головой под кресло, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть там, в тени, и... разглядела. Прямо перед моим носом, ярко светлея на синем мехе ковра, поблескивала огромная царапина. Как будто кто-то узким ножом ловко срезал полоску ворса. Я ахнула, сразу похолодев от того, что моя догадка о мыши оказалась верной. На всякий случай я прикоснулась ослабевшими пальцами к этой лысине на ковре, выбритой ровно, будто по линейке. Да, это мне не видится и не снится – ворса здесь действительно нет... Но, однако, какой сильной и, должно быть, опасной должна быть старухина мышь, если это действительно она здесь побывала! И что, интересно, скажет мама, увидев, каким стал ее любимый ковер?

Вдруг новая мысль поразила меня. Да ведь мама заглядывала под кресло! И ничего не заметила. Митька тоже. В полном оцепенении я устала на царапину и подумала, что так, наверное, сходят с ума: ты видишь, а другие нет. Вот ты и псих!

В коридоре раздался смех братишки, и я сразу вскочила с пола. Вот сейчас возьму и еще раз проверю!

– Митя! – крикнула я. – Зайди-ка сюда на минуточку!

– Зачем? – недоверчиво спросил брат, открыв дверь и просунув голову в щель. – Хочешь пистолет забрать, да?

И тут догадка, которая появилась и вдруг опять исчезла у меня в кухне, просто вспыхнула перед моими глазами! В нем все дело – в этом злосчастном пистолете, который Митька так нежно прижимал к груди – боялся, что я отниму. Но пока я выясню кое-что другое, и брат мне в этом поможет.

– Нет, не забери, – ласково сказала я. – Заходи, не твись.

Мальчишка на всякий случай переложил игрушку в карман шорт, прижал ее рукой и лишь тогда переступил порог комнаты.

– Ну, чего тебе? – все еще с подозрением поинтересовался он. – Опять кажется?

– Нет, Митя, – схитрила я, – ничего мне не кажется. Просто я заколку уронила, и она под кресло улетела. А мне трудно достать – в голове стучит, понимаешь? – и я, скривившись как можно жалостнее, дотронулась до своей шишки.

– А, ну сейчас, – сказал мой любимый братишка. – Я быстро достану!

Он полез под кресло (в который раз уже это происходило за сегодняшний вечер?), а я стояла и ждала: вот он крикнет:

– Ой, смотри! Что это на ковре?! – или подобное в этом роде.

Но нет! Он молча пытался и ползал там, старательно ища мою заколку, которая на самом деле лежала на полке в детской. Так и есть: карапуз ничего не замечает, потому что... Но все же я сделала последнюю попытку. Присев на корточки рядом с братом, который уже хотел выбираться из-за кресла, я ткнула пальцем в царапину и спросила его:

– А здесь ты ничего не видишь?

Митя внимательно посмотрел на то место, куда я показывала, подумал и сказал:

– Нет! А ты?

– И я ничего. Пропала моя заколочка... – постаралась я вздохнуть как можно печальнее.

Впрочем, я даже почти не притворялась. Мои догадки наводили на действительно грустные размышления.

Митьке было жалко меня: как же, заколка потерялась! Но, имея в кармане пистолет, долго огорчаться он не смог. Крикнув мне:

– Не потей! Потом найдем! – братишка удрал.

А я теперь совершенно точно сделала для себя два вывода – и не знаю, который из них был важнее.

Во-первых, эту мышь и ее проделки могли, наверное, видеть только мы со Светкой: ведь срезанный ворс на ковре усмотрела одна я, а Митя нет. Значит, скорее всего, и мама с папой эту царапину не заметят. И если тогда, когда все это случилось, мышь и сидела еще под креслом, ее тоже не разглядели ни мама, ни Митя.

Во-вторых, вечером эта грызунья появилась не случайно, как я думала раньше. Митька же заявил, что не разрешает мне брать пистолет! А я, прогнав братишку из комнаты подзатыльником, потянулась за его игрушкой. Тогда-то и раздался шорох! Дело в том, что я собиралась сделать запрещенное – взять в руки Митькин подарок, вот мышь и появилась, и приготовилась меня укусить. Но я, крепко стукнувшись головой о стол, про пистолет забыла, и он остался лежать на полу. В это время я услышала второй шорох, слабее: мышь уходила, потому что кусать меня было незачем – Митькин запрет я не нарушила. Да уж!

Я глубоко вздохнула и вышла через открытую дверь на балкон. Как хорошо становится на душе, когда начинаешь что-то понимать! Правда, выводы мои точно нельзя было назвать приятными. Вредная старуха не соврала, и ее шпионка теперь будет появляться рядом всякий раз, как только мы со Светкой захотим немного развлечься. Ничего себе будущее! Неужели нам придется стать пай-девочками, которые разговаривают тихими, робкими голосами, любят ябедничать про чужие проказы и делают только то, что взрослые разрешают? Вот тоска!

Летний вечер угасал. Солнце уже давно спряталось, кругом разлились голубые сумерки, и на быстро темневшем небе зажглась первая звезда. От этой картины мне захотелось плакать. Казалось, что эта ночь наступает не в мире, а в нашей со Светкой жизни. А далекая светлая звезда в небе – это наше веселое и бесшабашное прошлое, которое мы не ценили! Думали, что так и будет всегда. А теперь конец: подлая мышь вместе со старухой не дадут нам житья. Боясь отчаянья разрыдаться, я ушла с балкона в нашу с Митькой детскую, расправила постель, разделась и легла. Сама не знаю, как это вышло. Обычно мама с папой долго не могут загнать меня в кровать. А тут... Мне было до того грустно, что голова сама улеглась на подушку. Видно, я очень устала от разных испытаний, потому что уснула почти мгновенно, успев лишь краем сознания услышать удивленный голос Митьки, вошедшего в комнату:

– Ой, а Ира спит!

Мне, помню, сразу привиделся какой-то удивительный сад, зеленый-зеленый, и цветы в нем...

Глава 4. Светкины страхи

Я с трудом проснулась в полной темноте от звонка колокольчика. Это дребезжал наш со Светкой «телефон». Я совсем забыла рассказать, что у нас есть своя связь, Вы уже знаете, что я живу на третьем этаже, а моя подружка – на пятом. Балкон квартиры Костиных находится под балконом Ковалевых, а окно нашей с Митькой комнаты – соответственно под Светкиным окном. Правда, на четвертом этаже живет одинокий мужчина – Иван Петрович. Одинокий он потому, что от него уехала жена с двумя детьми еще два года назад. Мы со Светкой очень жалели, когда уехали его сыновья. Такие были веселые мальчишки – просто класс! – хотя и младше нас один на два, другой – на три года. Что мы вытворяли вместе с ними во дворе, до сих пор весело вспомнить! Но я отвлеклась. Теперь, короче говоря, остался один только их отец, который очень хорошо относится к нам с подружкой – всегда улыбается, увидев нас, и часто угощает конфетами. Правда, смотрит при этом грустно – наверное, о своих сыновьях думает, ведь мы с ними дружили. Так вот, этот Иван Петрович никогда не ругает нас – даже за то, что мы однажды со Светкой, играя на ее балконе, опрокинули стоявшую там банку с зеленой краской, и она вся через щель вылилась на лоджию соседа. А лоджия у него знаете какая красивая! – лучшая в нашем доме, он сам ее делал. Вообще-то застекленные балконы у нас имеют немногие – может, семей десять, но у тех лоджии по сравнению с этой – просто ерунда какая-то. Хорошо еще, что рамы у Ивана Петровича в тот день были раздвинуты из-за жары, а то мы испортили бы ему стекла. И вы представляете: сосед даже не пожаловался нашим родителям! Сам оттер краску тряпками, смоченными какой-то вонючей жидкостью, – мы со Светкой сверху видели – а нам только погрозил пальцем, и все! Ну, и вполне понятно, что такой замечательный и добрый человек не помешал нам провести два своих «телефона»: один с моего балкона на Светкин (мимо балкона Ивана Петровича), другой – из форточки нашей детской в форточку подружкиной комнаты (соответственно вдоль окна соседа).

Вообще-то «телефоны» – это всего лишь тонкие, но крепкие веревочки, связанные в круги. Первый из них охватывает балконные перила наших со Светкой квартир. По этому «телефону» мы обмениваемся с подружкой разными предметами, привязывая их к веревке – ведь ее концы скреплены узлом с длинными хвостами. И если потянуть, например, за левую сторону «телефона» вниз, то правая поползет вверх, к Светке – ну, а вместе с ней, скажем, конфета, или яблоко, или транспортир какой-нибудь (когда Светке срочно его надо, а бежать ко мне вниз неохота).

Второй наш «телефон» ничего не перемещает. Он служит для того, чтобы вызывать друг друга на балкон для каких-то сообщений или срочных разговоров. К веревке привязаны два колокольчика – один в подружкиной комнате, другой – в моей. Если мне надо что-нибудь побыстрее сказать Светке, я зажимаю рукой свой колокольчик и дергаю за веревку. И пожалуйста: через полминуты мы с подружкой уже разговариваем: она – свесив голову вниз, а я – повернувшись вверх лицом. Может быть, кому-то из вас наша связь покажется смешной – ну и пусть! А мы с подружкой очень гордимся своими «телефонами» и пользуемся ими с удовольствием – при всей их простоте веревочные «аппараты» очень надежны. Конечно, если бы на четвертом этаже между нами жил не милый Иван Петрович, а, скажем, Марья Степановна, она бы нам веревки уже раз десять оборвала! И жаловалась бы нашим четверым родителям, что «телефоны» ей просто жить не дают – придумала бы почему. Но бабка живет на втором этаже – ура! Правда, я опять отвлеклась. Продолжаю рассказывать с того момента, как меня разбудил «телефонный» колокольчик.

Открыв глаза от его звонка, я сначала долго ничего не могла понять. Перед моими глазами тихо проплывали пышные деревья и яркие цветы из моего сна. Но наконец я сообразила: грезы кончились, я нахожусь в своей комнате, а колокольчик надрывается оттого, что

у Светки наверняка что-то случилось. Ведь ночью она мне пока ни разу не звонила! Выскочив из постели, я подбежала к окну, и, схватив одной рукой свой колокольчик (чтобы он замолчал), другой несколько раз дернула за веревку, приводя в движение подружкин звонок. Так я дала ей знать, что услышала вызов и иду на балкон.

Но сначала надо было проверить, не разбудили ли эти звуки кого-то еще, кроме меня. Кажется, нет: Митька спокойно сопел, в спальне родителей тоже было тихо. Я крадучись вышла на балкон. Ночная прохлада дунула на меня свежим ветерком, и я окончательно проснулась. Подойдя к перилам, я посмотрела вверх и спросила:

– Света, ты здесь?

– Здесь! – долетело до меня с пятого этажа. – Ира, я не могу тут с тобой говорить! – в голосе подруги явно прорезались истерические ноты. – Выйди на вашу площадку, я к тебе сейчас спущусь! – теперь Светкин голос прозвучал так, как будто она собирается заплакать, но старается сдержаться.

– Ладно, иду! – поспешно крикнула я, забыв всякую осторожность, а ведь нас могли услышать родители. – Двигай ко мне.

Проскользнув мимо комнаты папы с мамой, я зашла только в детскую накинуть халат и проверить, не проснулся ли братишка. Кажется, все нормально. Теперь пора к Светке. Надо было бесшумно открыть дверной замок, чтобы никого не разбудить. Это мне не сразу удалось – язычок почему-то заело от моих осторожных движений. Когда я выскочила на лестничную площадку, Светка была уже там. И в каком виде! Бледная, перепуганная, руки мелко дрожат.

– Что с тобой? Что случилось? – спросила я, уже смутно догадываясь, какое событие могло привести в паническое состояние мою рассудительную подругу.

Светка схватилась руками за мои плечи, и ее глаза вдруг наполнились слезами. Она очень старалась не зареветь в полный голос, но было ясно, что это вот-вот случится. А тогда, я чувствовала, мне не скоро удастся добиться от подруги, что же у нее стряслось. Поэтому я решила опередить события и быстро спросила:

– У тебя мышь была?

Светка мелко закивала головой, и слезы из ее глаз посыпались градом – но было видно: плачет она скорее от облегченья, что я уже все знаю, а не от отчаянья. Я сразу угадала, в чем дело, – да и трудно было бы этого не понять после событий сегодняшнего вечера. Я еще не забыла, в каком виде сама недавно упала на подушку и заснула. Хорошо хоть, что Светка начала успокаиваться – уже сняла руки с моих плеч и смотрит на меня с какой-то странной надеждой. Наверное, думает, что если я понимаю, в чем дело, то и помочь смогу. А вот нет – этого не будет: сама не представляю, как нам теперь из беды выпутываться. Но сначала надо точно узнать, что произошло с подружкой.

В пустом подъезде стояла мертвая тишина. Тускло и страшно горела пыльная лампочка на площадке. За дверями мирно спали наши соседи – ведь им ничто не угрожало. А мы с подругой были одни со своим горем, которое так внезапно накрыло нас душным покрывалом. Чтобы было не так жутко, мы взяли за руки. Светка еще раз глубоко вздохнула, вытерла последние слезы и наконец-то рассказала следующее...

Моя подружка в этот вечер долго не отходила от телевизора – впрочем, вместе с родителями. Сначала они посмотрели новости, потом очередную серию из цикла «Улицы разбитых фонарей». Светка старалась не думать об утреннем происшествии и о своей больной ноге. Правда, кое-что ее удивило. Когда ее мама – тетя Таня – увидела повязку, она, сразу расстроившись, потребовала, чтобы Светка размотала бинт и показала ей, что с ногой. Та, конечно, этого делать не хотела и изо всех сил отнекивалась: тогда уж точно пришлось бы как-то объяснить происхождение укуса. А в то, что это сделала разумная мышь по приказу Марьи Степановны, тетя Таня, ясно, не поверила бы. Но Светкины отговорки не помогли, и повязку ей

пришлось снять. Подружка, увидев удивленные мамыны глаза, ждала чего угодно: охов, ахов, возмущенных расспросов, но...

– Твоя мама ничего там не увидела? – нетерпеливо спросила я.

– Да! А откуда ты знаешь??? – поразилась Светка.

– Знаю. Дальше что было?

А дальше тетя Таня, тщательно осмотрев подружку ногу со разных сторон, засмеялась и сказала:

– Какие выдумщицы вы вместе с Ирой! Для чего только бинт испортили? В больницу, что ли, играли?

Вот тут Светка, можно сказать, припухла! Стояла, переводя глаза со своей мамы на еще слабо кровоточившие следы мышиных зубов, и не знала, что сказать в ответ. Уж лучше бы ей попало от тети Тани, чем это «бинт испортили»: получалось, что она не пострадавшая, а просто фантазерка. И как могла мама – ее мама! – ничего не увидеть?

В сильнейшем недоумении моя подружка пробыла остаток дня до самого ужина. Ее упорные попытки как-то логически осмыслить и утренние события, и удивительную мамину слепоту совершенно не удавались. То, что «бабка из двадцатой» сыграла с нами злую шутку, сомнений не вызывало. Но как далеко зайдет эта шутка и что из нее получится? Вон какие дела уже с мамой происходят – ужас! Родной дочке не верит и ее болячку не видит. Есть от чего расстроиться.

Светкина мама, видно, почувствовав ее плохое настроение, приготовила на ужин творожники со сметаной. Их моя подружка очень любит. Поэтому, поев творожников от души, она пришла в гораздо лучшее расположение духа. Подумаешь, старуха! Подумаешь, мышшь! Укус уже почти не болит, и, может быть, эта глупая история закончится только сегодняшними неприятностями?

Перед телевизором, в компании с родителями, Светка окончательно ожила. Ей было уже весело и спокойно, и ни о чем плохом вообще не думалось. Когда закончилась очередная серия о приключениях питерских милиционеров, Светкина мама сказала, что пора спать, и папа с ней согласился. Подружка призналась мне: в этот момент ее кольнуло какое-то предчувствие, но она сразу отогнала его прочь. Все у нее шло отлично – и так же будет завтра, послезавтра, через год, два, через десять лет...

Родители ушли к себе в спальню, а Светка – в детскую. Она закрыла дверь, разделась и быстро легла в кровать. На душе у нее теперь было настолько хорошо, что спать совершенно не хотелось. Хотелось, наоборот, смеяться и играть. Но это было невозможно – усталые родители уже, наверное, засыпали, а моя подружка всегда была гораздо послушнее меня. Честно пытаюсь задремать, она провертелась под одеялом с полчаса. Нет, ничего не получалось – сон не шел. Что было делать?

И тут Светка вспомнила: у нее в верхнем ящике стола лежит последняя, пятая книга «Гарри Поттера». Мама купила ее сегодня, принесла и подала Светке со словами:

– Читай, дочка!

Это было еще в обед. Сейчас подружка с удивлением вспомнила, что даже не обрадовалась в тот момент – слишком была напугана. Она только вяло поблагодарила:

– Спасибо, мамочка, – и положила книгу в стол.

Но теперь-то ей очень хотелось ее начать! Эти романы про мальчика-волшебника – просто чудо. Мы с подругой первые четыре книги уже по нескольку раз перечитали. А тут – новая, последняя и еще незнакомая!

Светка тихонько встала, подошла к столу, вынула томик из ящика. Потом включила свет и открыла первую страницу книги. Но из дальней комнаты сразу донесся сонный голос тети Тани:

– Света! Что ты там делаешь? Сейчас же спи! Не вздумай читать среди ночи.

Так, ясно: мама все-таки услышала шум и решила принять меры к непослушной дочке. Пришлось Светке щелкнуть выключателем и сделать вид, что она снова легла в кровать. Читать, однако, моей подружке захотелось еще отчаяннее!

Как же выйти из положения? И тут Светка вспомнила про один замечательный способ тайного поглощения книг, о котором ей однажды рассказал папа. Он признался дочке, что в детстве частенько читал, накрывшись с головой одеялом и светя себе фонариком. Дедушка с бабушкой тоже не разрешали ему развлекаться ночью! Они, люди простые и работающие, и сейчас живут в той деревне, откуда родом Светкин отец. Всю жизнь много и тяжело трудясь, они не могли понять, как можно тратить на книги драгоценные часы сна. Теперь эта же история повторилась со Светкой. Вот и пригодился папин опыт!

Фонарь у подружки был – мы с Митькой подарили в прошлом году. Светка осторожно прошла к своему шкафчику по ярко-голубой лунной дорожке на полу, открыла дверцу и достала фонарик (она отлично помнила, где видела его в последний раз). Теперь надо было взять «Гарри Поттера» с письменного стола. Бесшумно подкравшись к нему и протянув руку за книгой, моя подружка краем глаза успела заметить какое-то неясное движение под шторой, возле батареи. Прижав к груди книгу и фонарик, она стала внимательно вглядываться. Но нет – видно, показалось! – край портьеры висел неподвижно, и под ним ничего не было видно. Успокоившись, Светка так же на цыпочках прошла к кровати, тихо легла, натянула на себя одеяло и прислушалась. В дальней комнате стояла тишина. Все в порядке. Значит, можно укрыться с головой, включить фонарик и... И тут моя подружка услышала, как по полу мимо кровати пробежали маленькие быстрые лапки. Она, оцепенев, пыталась вздохнуть, но не могла, и только крепко стиснула в руке край одеяла. Новый шорох внизу около спинки обдал Светку волной дикого ужаса. Она, дернувшись, быстрым движением накинула одеяло на голову и сжалась под ним в комок. Книги и фонарик оказались под ее упертыми в матрас локтями. Видно, спасаясь под одеялом, Светка случайно нажала на кнопку фонаря, поэтому он вдруг загорелся, ослепив ее в темноте и осветив край подушки и толстый томик «Гарри Поттера». А прежде чем подружка успела, ударив ладонью по фонарику, погасить этот непрошенный луч, кто-то вдруг промчался по ней от ступней до плеч, и возле Светкиного уха послышался внезапный пронзительный писк: «Пи-ик!» В этот момент вконец обезумевшая от страха девочка потушила, наконец, фонарь – невольно, потому что судорожно рванулась от писка в сторону и скатилась с кровати на пол. Долго она лежала так, запутавшись в одеяле и не смея шевельнуться. Но кругом было тихо, никто больше не шуршал и не пищал. Слышалось только тиканье часов, которое громом отзывалось в ушах насмерть перепуганной Светки. Тщетно она старалась различить в этом перестуке другие звуки – те, что заставили ее лежать здесь одну в темноте. Несчастливая моя подружка от ужаса не посмела даже крикнуть, чтобы позвать на помощь. Но минуты медленно текли, и ничего больше не происходило. Светкин страх понемногу отступал. Наконец девочка откинула одеяло и села на коврик у кровати. К ней возвращалась способность сообщать. Первой мыслью Светки было: «Почитала, называется!» Подумав немного, она с удивлением поняла, что уже совсем не хочет знать, что там дальше произошло с Гарри. Его приключения были страшными и поразительными, но то, что сейчас случилось с ней наяву, было, пожалуй, куда кошмарнее. Потом, еще раз осмотревшись по сторонам, Светка спросила вслух:

– Почему она пришла?

И опять удивилась одной простой мысли. Как странно! – ведь она с самого начала, когда едва дрогнула штора, знала, кто это. Это была мышь, Именно та, что укусила ее утром. Та, о которой моя подружка очень старалась сегодня не думать – и ей почти удалось забыть злодейку. И вот – старухина посланница опять здесь! Как она могла пробраться к ней в комнату, а еще раньше в квартиру? Не через окно ведь! Мыши летать не умеют – так же, как и прыгать на высоту пятого этажа. От этих мыслей Светку пробил озноб. Она подняла с пола одеяло и опять плотно закуталась в него. И вдруг слабость и страх ее куда-то улетели: моя подружка

возмутилась. Подумать только! Какая-то полоумная бабка, над которой втихомолку посмеивается весь подъезд, нагло подсылает свою мышь к ним в квартиру! И жалкая грызунья, которых в городе водится, может, тысячи, наводит на нее – Ковалеву Свету – тихий ужас. А почему??? Подумаешь, какая-то черная мышь, любительница сыра из мультфильма! От стыда за собственную трусость моей подружке даже стало жарко. Она встала, бросила одеяло на кровать и сказала раздельно и громко, не боясь, что услышит мама в соседней комнате:

– Вот сейчас оденусь, возьму мел, выйду в подъезд и напишу на бабкиной двери, что она дура!

Ледяной сквозняк вдруг полетел по комнате, фонарик упал с кровати на пол и разбился, жалобно звякнув стеклом. Портьера у батареи вновь шевельнулась, и Светка, взвывая от страха, прыгнула на кровать, поджала ноги и зашептала:

– Не буду, не буду, не буду...

Штора успокоилась, повисла неподвижными широкими складками. Опять все было тихо в комнате и за ее пределами. Но не в душе у моей подруги! Хочу с гордостью сообщить вам, что в эту трудную для нее минуту Светка вспомнила обо мне как о единственном человеке, который может поверить в то, что с ней произошло. И, пожалуй, только я смогу помочь подружке выпутаться из неприятного положения – уж придумаю как! Надо меня вызывать скорее, хотя сейчас ночь!

Бедная моя подруга! Она не знала тогда, хватаясь за веревку нашего «телефона», что и мне явилась в этот вечер противная мышь, и меня тоже она напугала до полусмерти. Но все-таки ее явление Светке было куда страшнее, чем визит ко мне – в этом нет сомнения. Я-то слышала зловещий шорох не ночью, а еще при свете солнца; и родители, и Митька не спали. И мама меня успокаивала, и брат лазал под кресло. Поэтому я и была в состоянии потом сделать выводы, о которых говорила вам раньше, а потом даже уснуть...

Бледная от пережитого страха подруга с надеждой смотрела мне в глаза. И все же она почти рассердилась, когда я спросила:

– А больше ничего не было? И родители не проснулись?

– Нет! – нахмурилась Светка. – Спали как убитые. Я когда тебе позвонила по «телефону», мой колокольчик тоже затренькал – я забыла его прижать. А мама с папой, представь, и ухом не вели! И потом, когда ты мне ответила, я мимо их комнаты, как слон, протопала к двери – они не шевельнулись! А обычно мама, ты знаешь, так чутко спит...

– Все понятно! – сказала я как можно бодрее.

– Что тебе понятно? – раздраженно спросила Светка. – Ты самая умная, да? А я дура?

Я чуть не засмеялась, видя, как надулась моя подруга. Еще бы! Не зря моя мама говорит, что когда мы собираемся вдвоем со Светкой, я играю роль двигателя, а она – мозгового центра. То есть, конечно, это не совсем так: ведь придумываю-то проказы тоже часто я, а не только организую их выполнение и распределяю наши роли. Но вот в том, как потом нам выйти сухими из воды, нет лучшего специалиста, чем Светка. Она всегда заранее обдумывает безопасное отступление и замечание следов. Тут ей нет равных! Мне, по правде говоря, и неинтересно думать, что будет потом, когда все уже произойдет. А подружке интересно! Она заранее умеет рассчитать каждый шаг. У нее на случай срыва первоначального плана обязательно есть пара запасных вариантов. Потому мало кому когда удавалось нас уличить, как пишут в детektивах, в содеянном. Да, голова у нее варит, и за это я ее очень уважаю. Она и в математике соображает лучше меня, и в шахматы играет тоже. А тут – вот незадача! – мне почему-то все понятно, а ей – ничего. Трудно такое Светочке перенести! Но сейчас я ее отвлеку и успокою: у меня тоже есть кое-какие новости.

– Да ладно тебе! – сказала я подруге. – Ты еще не знаешь, что сегодня со мной было, и еще раньше, чем с тобой.

Светка слушала мой рассказ с явно возраставшим вниманием и сочувствием. Под конец она совсем повеселела: оказывается, и со мной произошло нечто подобное, а значит, случившееся выглядит уже не так страшно. Минувшим вечером мышь пожаловала к нам обеим, обеих напугала и потом снова скрылась неизвестно куда...

– Ну, и что ты об этом думаешь? – спросила меня Светка уже не сердито, а с любопытством, едва я дошла до того момента, когда услышала звонок по «телефону» и помчалась на балкон.

О следующем событии она знала: мы встретились в подъезде. Но вот почему мышь не обнаружила себя в течение дня, а потом, словно Фантомас, вдруг разбушевалась? – этот немой вопрос я читала Светкиных глазах.

– Неужели ты до сих пор не поняла? – мягко спросила я подругу. – Ведь дело обстоит очень просто.

– Нет, – тихо сказала Светка. – А что тут можно понять? Ужас какой-то.

– Да, ужас, – согласилась я. – Но особенный: его ощущаем только ты и я. Поэтому мама и Митька не увидели царапину на ковре. Твои родители тоже ничего не услышали – хотя и мышь пищала, и ты на пол падала, и потом мимо них в коридор топала. А приходит мышь тогда, когда мы с тобой собираемся сделать что-то запрещенное. Тебе же мама не разрешила читать – а ты?

– Ну, да, – согласилась Светка, – правильно. А ты хотела Митькин пистолет взять...

Я вздохнула с облегчением: подружка сообразительность снова была на высоте.

– А не покусала она нас с тобой потому...

– Ну, ну! – подбодрила я наш «мозговой центр».

– Потому, что мы не нарушили запрет, хотя и собирались! – у Светки даже глаза заблестели. – Ты же так и не взяла с пола пистолет, а я не стала читать, – вот эта дура черная и скрылась! И еще. Кроме того, что нам запрещают другие, есть одна штука, которую мы тоже не можем делать.

– Какая? – спросила я с интересом.

– Нельзя причинять никакого вреда этой бабке. Даже если просто угрожать, мышь тут же прибегает.

«Действительно! – сразу подумала я. – Утром она вцепилась Светке в ногу, как только та начала с Марьей Степановной ругаться и пригрозила все рассказать родителям. Да, и потом – ночью – мышь уже ушла, а потом опять появилась под шторой, когда Светка сказала, что возьмет мел и...»

– И если бы я сразу не перетрусилась и не стала говорить «не буду, не буду», – продолжила подруга мои мысли, – она бы меня, наверное, уже съела! А так исчезла – и больше ее не было.

– Голова ты, Света, – сказала я, и подружка довольно заулыбалась. – Только одного я не пойму: как она пробралась к нам домой? Двери-то были закрыты!

– Это, наоборот, понятно, – Светкин голос звучал задумчиво. – Мышь появляется не через двери.

– А откуда? – обалдело спросила я подругу. – В окна, что ли, прыгает? В форточку влетает?

– Нет, сквозь стены просачивается. Ну, что ты на меня смотришь? Не знаю я, как она это делает. Но после того, как мышка вечером тебя напугала, к вам никто не приходил?

– Никто, – согласилась я.

– И сами вы из дома ни ногой?

– Нет, – потрясенно сказала я.

– Ну, в таком случае откуда она ночью у меня взялась, если от тебя не могла уйти? Только сквозь стены, как призрак. И заметь: в подъезде утром мышь тоже явилась тогда, когда я старухе угрожала. А потом, ты сама говорила, просто исчезла в углу, и все.

Она была, конечно, права, моя головастая подруга. Но как это – сквозь стены?! Светка взглянула на меня и засмеялась: наверное, вид у ее давней подружки был очумелый.

– Да ты не бойся! – теперь уже подруга успокаивала меня. – Она не покажется, если не делать ничего запрещенного. Это же понятно.

– Мало не делать, – возразила я. – Надо даже не думать об этом.

– Ну, и не будем думать! – сказала Светка и вдруг сладко зевнула. – Будем паиньки, примерные девочки. И пусть зверюшка идет лесом!

Да, действительно! Чтобы избавиться от этой толстой разбойницы, надо всего лишь хорошо себя вести. Это уже кое-что. Правда, мы со Светкой никогда не пытались стать такими послушными, такими... ой, даже подумать противно!

– Придется, – грустно сказала подружка, опять прочитав мои мысли. – А то она нас загрызет.

Так закончилось наше ночное совещание. Мы разошлись по своим квартирам спать (а уже, честно сказать, с ног падали), договорившись, что утром, как проснемся и позавтракаем, встретимся во дворе часов в одиннадцать – раньше, понятно, не встанем. Уже улегшись, наконец, в постель, я решила, что все равно мы что-нибудь сделаем, чтоб совсем избавиться от мыши. И, кажется, по комнате опять пролетел какой-то легкий шорох, когда мне это подумалось. Но я уже не успела испугаться: сразу провалилась в сон. И пусть бы хоть носороги пришли, я уже ничего бы не услышала!

Глава 5. Я играю в пайнку

Следующее утро было прекрасно! Вчерашние неприятности представлялись мне просто дурным сном. Дома, как всегда, никого не было: родители ушли на работу, Митя – в детсад. Я умылась, немного послонялась по комнатам и решила позавтракать на балконе, на свежем воздухе. В самом лучезарном настроении вынесла туда из комнаты стул и журнальный столик. Потом сварила себе кофе, приготовила пару бутербродов и уже, поместив еду на поднос, направилась к балкону. Как вдруг вздрогнула от кольнувшей меня мысли: «А можно ли это?»

От испуга я едва не уронила поднос на пол, но вовремя спохватилась: «Да нет же, никто и не запрещал мне есть на воздухе!» Опустившись со своей ношей на диван, я еще некоторое время приходила в себя. Хорошее настроение сразу испарилось – мне было досадно и стыдно за свою трусость. И невозможно было удержаться от того, чтобы внимательно не оглядеть все уголки комнаты: а вдруг мышь уже здесь? Это выглядело, конечно, очень глупо: ведь я уже давно поняла, что не делала ничего запретного! – но как заставить себя пересилить вчерашние страхи, которые вновь вернулись ко мне? Наконец, я рассердилась и поднялась с дивана, подумав: «Все равно позавтракаю там, где хотела!»

Теплое солнце, залившее мир по ту сторону балконной двери, сразу согрело и успокоило меня. Мне осталось только улыбнуться и с удовольствием приняться за еду.

«Что же делать? – думала я, прихлебывая кофе. – Если вздрагивать от каждой ерунды, можно и с катушек съехать! Как там мама говорила? А, вот: пуганая ворона и куста боится. Точно, я настоящая ворона: сначала пугаюсь, потом понимаю – абсолютно зря».

Все-таки оказалось, что я рано обрадовалась. На самом деле я по-прежнему боюсь этой жуткой мыши, но только более осознанно, что ли. Мне теперь понятно, когда она появляется, и я знаю, как избежать ее прихода. Конечно, это несколько успокаивает. Но разве можно никогда не делать ничего запретного??? Я уныло смотрела на качающиеся под балконом пышные макушки тополей и представляла себя такой... образцово-показательной Ирой. Всегда послушной, вежливой, старательной, ответственной, серьезной, обязательной. Что там еще? Я поставила на поднос пустой стакан, смахнула туда же крошки со стола и поплелась в кухню. Кстати, не пора ли уже выйти погулять? Наскоро помыв посуду, я помчалась посмотреть, который час. Может, уже одиннадцать часов и Светка меня ждет на нашей любимой лавочке? Вот было бы хорошо!.. Нет, еще только половина одиннадцатого. Как же мне провести эти долгие полчаса? Очень не хочется думать о вчерашних неприятностях без Светки – ну, до тошноты. Вместе – совсем другое дело. К тому же давно ясно, что только с ней я и смогу говорить об этом – больше никто не поверит.

Ага, вот оно! Поиграю-ка я в пай-девочку. Может, у меня получится? Надо хоть представить, как такая сладкая тихоня будет выглядеть. Ну, и развлечься заодно. Развлечься?!

– Спокойно! – громко сказала я себе. – Веселиться мне тоже не запрещали.

Опять перетрусилась. Это уже просто безобразие какое-то. Ну, хорошо! Сейчас я вам (кому это вам?) покажу примерную девочку-тарелочку!.. И даже стишки какие-то сочиняются... Отлично!

Тряхнем-ка стариной! Как там это было в моем золотом садиковом детстве? Надо вспомнить.

Я достала из шифоньера свой старый бантик в горошек и прицепила его к волосам. Ага, пойдет. Теперь главное – почувствовать себя в далеком четырехлетнем возрасте, когда все было просто – и никаких мышей... Опять отвлекаюсь! Итак, начинаем наш утреник.

Приняв серьезный «взрослый» вид, я вышла на середину комнаты и сказала мягким голосом моей любимой воспитательницы Ольги Сергеевны (я и сейчас еще иногда к ней забегаю по старой памяти):

– Начинаем наш концерт! Песенка «Нельзя шалить!». Исполняет Ирочка Костина.

Я изобразила, как «Ольга Сергеевна» ушла со сцены. Потом умильно сложила губки, широко открыла глаза и засемила «к зрителям». Кажется, получается. Не девочка, а медовый пряник какой-то. Выйдя «на всеобщее обозрение», я «взволнованно» вздохнула и взялась кончиками пальцев за края воображаемого пышного платья (этому, по-моему, учат всех «хороших девочек» в детском саду). Ничего, что теперь на мне были шорты – зато я вся свети-лась скромностью и благонаравием. Я закатила глаза и запела, шепелявя, тоненьким, дрожащим голосом на мотив «польки-бабочки»:

Нельзя салить! Нельзя салить! —

Мы поняли со Светоцькой.

Нельзя соседям окна бить,

Срывать с березы ветоцьки.

Ля-ля, да-да! Ля-ля, да-да!

Мы умненькие детоцьки!

Потом, скромно опустив ресницы, я выслушала «аплодисменты» и ушла за кулисы.

Ну, что ж, по-моему, нормально. Только вот про битье окон – это слишком сильно для четырех лет. Правда, Митька в прошлом году успел два раза разбить мячом – но ведь ему было уже шесть! И еще интересно, к чему я тут березовые веточки приплела?

Кажется, вспомнила. И не сказать, что с радостью. Похоже, голова моя теперь работает только в одном направлении. Дело в следующем. Примерно год назад (в середине июня) мы со Светкой сидели у меня дома и смотрели телевизор. И симпатичная дикторша сообщила, что на следующий день будет праздник Святой Троицы. Девушки пойдут в лес завивать березки. Светка сразу уставилась на меня и спросила:

– А как их завивать?

Я не знала, но признаваться в этом не хотела (ведь подруга считала меня крупным зна-током не только в литературе и русском языке, но еще в фольклоре, народных обычаях и т.п.). Наконец, я промямлила что-то вроде того, что завивать березки – значит переплестать их ветки, а иначе говоря – делать из них венки и носить потом на голове. Светке это очень понравилось, и она кивнула:

– Вот и будем завтра завивать.

На другой день мы залезли на березу, растущую у нас во дворе, стали обрывать с нее веточки и кидать вниз, чтобы потом плести из них венки, но совершенно забыли, что это дерево – как раз напротив окна Марьи Степановны! Мы увлеклись своим занятием и просто очумели, увидев совсем близко от себя злющее старухино лицо. Бабка смотрела на нас через открытое окошко и страшно грозилась пальцем. Мы кубарем скатились с березы и, забыв про сорванные ветки, поскорее удрали со двора...

Вот, значит, почему я про это запела. Опять к моей жизни зловредная «бабка из двадца-той» примешалась – ну, ни шагу без нее! Не получилось из меня пай-девочки, хотя все так хорошо начиналось... Я стянула с головы бант и глянула на часы. Ура! Уже почти одиннадцать. Скорее на улицу, к Светке!

Глава 6. Явление Сашки Иноземцева

Надевая в коридоре босоножки, я почувствовала тревогу за подружку. Как она там, интересно? А вдруг мышь приходила к ней снова – мало ли чей запрет Светка за это время ненароком нарушила? Я сама вон целое утро дергалась, а ведь характер у меня гораздо смелее и решительнее... Да еще левая босоножка не желала застегиваться, а я так спешила к подруге! Вдруг с ней что-нибудь случилось, и я не найду Светку в условленном месте? Ух, наконец-то, застежка подалась. Я выскочила в подъезд, захлопнула дверь и помчалась вниз. Уже выбежав на крыльцо и с облегчением увидев Светку на нашей лавочке, подумала: «Странно! Я пробежала мимо старухиной квартиры, даже не вспомнив про бабку и не успев испугаться».

Похоже на первый успех. Но это мелочи. Главное: живая и здоровая Светка обрадовано смотрит, как я подбегаю к ней и шлепаюсь рядом. Вид у девчонки нормальный – не то, что сегодня ночью: даже щеки разругались.

– Ну? – выпалила я. – Жива-здоровая? Успела выспаться?

– Да, все хорошо, – махнула рукой подружка. – Спала, как медведь зимой. Только встала рано: думала, что нам делать.

– И придумала?! – от волнения у меня даже голос сел.

Светка покачала головой и усмехнулась:

– Я, кажется, знаю, что можно предпринять, но пока не представляю, как. Надо эту мышь обхитрить и старуху вместе с ней, но...

– Но что? – нетерпеливо переспросила я и, поймав Светкин взгляд, направленный на соседний куст сирени, вздрогнула.

Под ним явно шуршало. Мало того, оттуда слышалось какое-то... хихиканье. Неужели опять?! Приплелась эта черная морда, да еще и смеется над нами? Но почему? Мы ведь ничего не делали, а только разговаривали?

– Это я бабку упомянула, вот мышка и здесь, – спокойно сказала Светка. – Она старухины интересы защищает. Наверное, подслушивать пришла. Но я больше ничего не скажу, и она уйдет.

Ну и ну! А подружка-то совсем не боится! Я сразу почувствовала, что и мой страх съелся и начал таять. Возня за кустом прекратилась. Потом послышался дробный топоток и тот самый звук, о котором мне недавно рассказывала Светка: «Пи-ик! Пи-ик!» Он становился тише и тише, пока окончательно не замер вдали. Я покосилась на подружку: она сидела задумавшись, уже забыв про эту... Пику. Да, так и следует ее назвать – для ехидной мыши это самое подходящее имя. Хотя на самом деле пика – это длинная острая палка. Но Светка-то хороша! Я бегу ее спасать, босоножки по дороге теряю, а подружка, видите ли, уже перестала пугаться кусачей зверюги. Она теперь размышляет над другим: как бы половчее переиграть обеих наших противниц – и мышь, и ее хозяйку? А я, выходит, трусливее Светки... Вот так поворот! Мне стало досадно чуть не до слез. Ну, нет! Плакать перед подругой стыдно. Лучше я поговорю с ней.

На мое предложение назвать мышь Пикой подружка сразу согласилась, восхищенно сказав мне:

– Молодец! Нашла просто здоровскую кличку для бабкиной помощницы!

Мое настроение тут же взлетело вверх. Приятно стало, знаете ли...

Я в рассеянности стала рассматривать окна Марьи Степановны. Они были наглухо закрыты и занавешены тюлем. Сидит там, старая вредина, и портит жизнь людям! А самое обидное то, что рассказать хоть кому-то о ее фокусах мы с подружкой не можем. Ни один человек не поверит в существование разумной мыши, проходящей сквозь стены. Ни папа, ни

мама, ни одноклассники. Митька, пожалуй, поверит, но его как раз впутывать нельзя. Карпуз способен жутких дел натворить!

И тут я увидела такое, что даже вскочила с места. За прозрачным тюлем в старухином окне мелькнула, ну, очень знакомая футболка! Нет. Не может этого быть. Наверное, показалось...

– Ты что? – удивленно спросила меня Светка. – Чего прыгаешь?

– А знаешь, кто сейчас в гостях у бабки? – не смогла я удержаться. Очень уж мне хотелось удивить подругу – такую смелую и умную!

– Кто? – с любопытством спросила Светка. – У Марьи Степановны, мне кажется, вообще гостей не бывает. Противная она.

– Ха! – сказала я. – А у нее... Сашка Иноземцев!

Подруга начала хохотать:

– Ну да, конечно, он! Хи-хи-хи! Самый лучший мальчик, ангел с крылышками... Ха-ха-ха! Порядок уважает, дисциплину...

– Нечего смеяться, – рассердилась я. – Я тоже сначала глазам своим не поверила. Но ты знаешь, у Иноземцева есть такая зеленая футболка – как болото! – и с красной отделкой? Я ее сейчас в бабкином окне засекала!

Светка сразу стала серьезной. Еще бы не знать! У Сашки, кажется, всего две летние майки – и обе просто ужасающей расцветки. Одна – та, что я уже упомянула; вторая – оранжевая с серыми пятнами. И где он подобную красоту нашел? Правда, наверное, покупал футболки не сам Иноземцев, а его мать – но ведь это не меняет дело.

– А ты не ошиблась? – быстро спросила меня подруга. – Окна не перепутала?

– Нет! – отмахнулась я. – Ну, вон они, белым затянуты – там я сейчас его маечку видела.

– Да, – подтвердила Светка, – это ее окошечки. Но что Сашка у нее может делать? Подругу себе нашел! Хотя... они оба нас терпеть не могут. Иноземцев и Марья Степановна, наверное, заодно. Против отпетых хулиганок Светы и Иры!

Над этим стоило подумать. Я попыталась представить мальчишку и старуху рядышком, на бабкиной кухне. Вот они строят злобные планы против нас, дают указания Пике... Я фыркнула – уж очень смешно получалось. Светка, разобидевшись, уже открыла рот, чтобы доказать мне, что она права.

Но тут мы увидели, что в нашу сторону, громко разговаривая, идет Сашкина мать – Лорка, как зовет ее за глаза весь двор, от взрослых до малышей – вместе с какой-то пожилой теткой с неестественно-бордовыми волосами, в мини-юбке. Они с большим интересом обсуждали свои дела и нас, понятно, не заметили. Наши «здравствуйте» повисли в воздухе. Мы переглянулись: ну, очень, очень вежливые тетеньки, так и хочется поблагодарить их за внимание!

Дамам было не до правил поведения! Добежав до ближайшей скамейки, они разом хлопнулись на нее не глядя. А ведь обычно люди смотрят, на что садятся, особенно взрослые.

– И откуда вы столько знаете? – долетел до нас восторженный голос Сашкиной матери. – Просто, конечно, удовольствие с вами беседовать.

Мы со Светкой с удивлением посмотрели друг на друга. Лорка ведет ученые разговоры? И еще выражает удовольствие по этому поводу? Тетка в мини-юбке, обмахиваясь газетой, сказала хрипло:

– О, Лорочка, я вам больше скажу: из всех драгметаллов платина – самый шикарный. И он редко у кого бывает!

– Как? – растерянно проговорила «Лорочка», заморгав. – А золото? За ним все гоняются...

Мы увидели, как она, схватив кулон на цепочке, который висел у нее поверх блузки, быстро спрятала украшение под красным шелком.

Ее собеседница торжествующе каркнула:

– Милочка, вот если все, то это уже не... Вы меня понимаете? Золото – просто желтое железо!

«Лорочка» от восхищения затрясла головой. Видно было, что Сашкина мать просто упиается таким «умным» разговором. А старая тетка, величаво улыбаясь, посматривала на нее, как королева на служанку. Ей эта роль явно очень нравилась. Как же глупы бывают взрослые! А еще детей не замечают, не здороваются с ними!

Тут «Лорочка» тоже решила взять высокий тон. Вскинув голову, она жеманно спросила у «королевы»:

– А какие камни сейчас носят? Мне приятельница говорила, в этом сезоне в моде рубины. А Вы как думаете?

– О, нет! Уж только не рубины, – заявила та, – кто Вам мог сказать подобную чушь?! Сегодня в моде не красное, а фиолетовое. Такое, знаете, загадочное! – и она понизила голос до сиплого шепота. – Вот, например, аметисты. Или уж если красные камни, то с отливом в зеленое. Александриты... – она сделала эффектную паузу, – как у меня.

Милостиво улыбаясь своей «подданной», тетка подняла выщипанные «в ниточку» брови и несколько раз качнула головой. Что-то засверкало у нее в ушах, отбрасывая блики на морщинистую шею. А Сашкина мать смотрела на подругу с темной завистью. Бедняжка, даже губы скривила, словно собираясь заплакать! Ой-ой, сейчас...

Светка ткнула меня пальцем в бок, тихонько засмеялась и сказала шепотом:

– Вот дуры! Неужели и мы с тобою такие будем?

– Нет, – испугалась я. – Тогда уж лучше вообще не расти!

Тут «Лорочка», наконец, опомнилась и протянула елеиным голосом:

– Преле-естные камни! Просто играют. Но я не запомнила: как они называются?

– Я же сказала: александриты! – ответила «королева», прикасаясь кончиками пальцев к своим сережкам, – Почему Вы, милая, не знаете? Так нельзя! – она закашлялась.

– Вам хорошо говорить, – нежно произнесла Сашкина мать. – Вы -свободная женщина, – и она украдкой взглянула на «всезнайку»; мне даже показалось, что при этом «Лорочка» слегка улыбнулась. – А тут только и вертишься с утра до вечера – то готовить надо, то стирать. И муж, и сын... одни заботы. Как от жизни не отстать!

Мы со Светкой от изумления прилипли к скамейке. Это она-то вся в заботах? И «вертится с утра до вечера»? Может, и вертится, но только не со стиркой и кастрюлями! Тотто одежда на Сашке вечно от грязи трескается. Да, насчет его футболки... Мы со Светкой не успели договорить...

«Королева» почему-то сникла и делала вид, что старательно стряхивает что-то со своей мини-юбки.

Теперь торжествовала «Лорочка» – хорошо было видно! – но мы не успели понять, почему. Нам было не до этого: из подъезда вышел Иноземцев и прошествовал мимо скамейки к мальчишкам на качелях. На нем болталась, как пустой мешок, та самая болотно-красная майка! Значит, я не ошиблась, и в бабкином окне был именно он. Светка тоже проводила мальчишку глазами и сделала гримасу, означавшую: вот это да! Голова Иноземцева уже имела почти нормальный вид: волосы были не вздыблены, а только слегка отливали синим.

– Гребешок-то мы ему размочили, – довольно хихикнула подруга. – Вот Сашенька и побежал к бабке, на нас жаловаться. А ты молодец, за шторой его разглядела.

Конечно, я была рада, что мои наблюдения подтвердились, и теперь нет сомнения: Иноземцев точно зачем-то бывает у старухи. Но было в этом еще нечто странное, пока не уловленное мной. И тут я поняла! Сашка прошел мимо своей «заботливой» матери, как мимо пустого места. Ее присутствие здесь, во дворе, его совершенно не интересовало. Но что самое поразительное: и его появление тоже не интересовало «Лорочку». Она наслаждалась победой над

«королевой» и улыбалась уже куда откровеннее, рассматривая склоненную голову поверженной «королевы». А Сашка шел мимо матери, будто чужой...

Кошмар какой-то. Мне стало зябко. Я представила на месте Сашки – себя, а на месте «Лорочки» – свою маму. И вот я иду мимо нее, а она ноль внимания. Тут же мне захотелось плакать. Светка удивленно покосилась в мою сторону и, кажется, ничего не поняла. Сашка уже стоял возле качелей и разговаривал с каким-то высоким чернявым парнем. «Лорочка» с «королевой» встали со скамейки и пошли прочь из двора. Роли у них, кажется, вновь поменялись: пожилая тетка что-то вещала, а ее подруга поддакивала.

Я кивнула на них Светке и сказала:

– Видела, какая «заботливая мама»? Иноземцев мимо нее прошел, а она хоть бы заметила родного сына! Наверное, сильно от стирки устала и заснула случайно.

– Да, Сашку жалко. Если бы у меня была такая мать, я бы из дома сбежала. А как она этой мымре в рот смотрела, ты видела? У ребенка штаны вечно порваны, а она про камни чирикает и про золото.

Мы еще некоторое время поговорили про Сашку, пожалели его. Неудивительно, что в школе он главный двоечник! Потом посмеялись над только что увиденной сценой с «Лорочкой» и «мымрой». И тут Светка вдруг сказала с удивлением:

– А ведь мы с тобой совсем про мышь забыли. Не до нее было. И хорошо! – удовлетворенно заключила она.

Я согласилась с ней. Подумаешь, зверюшка какая-то! И укусила-то всего один раз; да мы ее поведение уже почти разгадали. Вот у Сашки дела куда хуже: родная мать не замечает.

Мы еще побродили некоторое время по двору, поболтали с девчонками, покатались на карусели. Конечно, наша общая беда не отпустила нас, но стала как-то меньше и легче. Мы по молчаливому согласию не говорили о ней и, лишь идя домой обедать, я предложила Светке:

– Ты ведь у нас «мозговой центр»? Вот и подумай там на досуге.

– Ладно, – ответила она, – подумаю! Если к вечеру что-нибудь соображу, позвоню тебе по «телефону».

И мы разошлись по домам. Двор почти опустел – только какая-то кошка бродила, да Сашка слонялся. Видно, не спешил идти обедать. А вот мы с подругой почему-то до того проголодались, что полетели домой, как две ракеты!

Глава 7. Кое-что о детском питании и Пикиных фокусах

Хорошо у нас в квартире: тихо, чисто, прохладно – особенно после жары и пыли двора. Я люблю возвращаться домой всегда, в любое время – ну, кроме тех редких случаев, когда несу в дневнике плохую оценку – знаю, что родители огорчатся и будут меня «воспитывать». Наша квартира – обычная трехкомнатная «хрущевка», и мама говорит, что она ей до смерти надоела. А по мне – так лучше и не надо. Нам с Митей здесь хорошо; главное, что у нас есть своя комната и живется в ней, в общем, очень уютно. Три комнаты выходят окнами во двор – это кухня, гостиная и детская. Спальня родителей – в подобной мы со Светкой недавно развлекались с микрофоном у нее в квартире – на улицу. По моему мнению, это большое удобство: открывается обзор на обе стороны дома.

Я прошла на кухню, достала из холодильника кастрюлю с супом и поставила ее на огонь. Потом открыла крышку – проверить, что именно сварила вчера мама на обед. О, как вкусно пахло укропом и чесноком! Это был мой любимый суп – борщ. Мама готовит его совершенно божественно. Ага, вот и кусочек мяса – и не маленький. Так, а сметана есть?.. Хорошо. Отрежу пока себе хлеба – вот этого, черного, с блестящей корочкой, посыпанной тмином.

От этих долгих приготовлений мой аппетит вдруг так разыгрался – стал просто волчьим! Я почувствовала, что у меня нет терпения дожидаться в кухне, пока борщ разогреется. Телевизор, что ли, включить? Нет, не хочется. Ага, вот что! Перед моими глазами всплыла виденная недавно во дворе сцена: тетка в мини-юбке царственно покачивает головой в разные стороны, а в ушах у нее горят и переливаются огнями камни. Ведь у мамы тоже есть серьги – красивые, с голубыми самоцветами. А если пойти их примерить перед зеркалом и так же, как «королева», повертеть головой? Они тоже, наверное, заискрятся не хуже теткиных! Тем более, что мочки ушей у меня давно проколоты, а вдевать в них еще нечего – сережки мне пока все никак не купят.

Сказано – сделано! Я помчалась в большую комнату, достала из маминого ящика бархатную коробочку с серьгами и, открыв ее, стала любоваться драгоценностью. По комнате вдруг пролетел сквозняк, хотя балкон был закрыт. Я достала серьги и положила их на ладонь. Красота какая! Моей ноге коснулось что-то мягкое и теплое – наверное, я задела новое покрывало на диване. Повернувшись к зеркалу, стала вдевать в ухо сережку, и тут... мою пятку пронзила режущая боль! Я закричала и чуть не разорвала себе ухо, потому что рука у меня сильно дернулась. Я со злостью ткнула большим пальцем другой ноги в саднящую пятку. Так и есть! Опять эта мерзкая Пика! От моего удара она полетела до самой стенки, стукнулась об нее и упала возле плинтуса. Ага, где-то тут еще тапок валялся! Сейчас я ей... Но когда я, нашарив обувь, уже хотела запустить ею в мышь, наши глаза встретились... Тапок выпал из моих рук, потому что во взгляде Пики не было ни злобы, ни упрямства, а какая-то... строгость и укоризна. Мне даже показалось, что она нахмурилась – это мышь-то!

И только тут я поняла, почему зверюга напала на меня. Мама уже давно строго-настрого запретила мне даже трогать серьги, а не то что надевать их! Да, но мышь-то откуда об этом знает??? Ведь разговор между мной и мамой произошел еще в Новый Год, когда папа преподнес ей этот подарок. О Пике тогда не было ни слуху ни духу. Как же так?

Размышлять было некогда: мышь не отрывала глаз от вдетой в мое ухо сережки. Она явно требовала, чтобы я сняла ее. И мне пришлось поскорее сделать это – не ждать же, пока грызунья снова укусит! Спрятав украшения назад в коробочку, я открыла ящик, чтобы убрать ее туда, и украдкой покосилась на Пикю: что она делает? Оказалось, ничего. Потому что мышь опять исчезла неизвестно куда! Задвинув ящик, я для порядка осмотрела углы комнаты и мебель –

вдруг она где-нибудь притаилась? Тщетно! Да неужели зверюшка действительно сквозь стены шмыгает? Бред какой-то.

Пятка сильно болела. Вот гадюка, прокусила, наверное, до самой кости! Я достала из аптечки перекись водорода, мазь и обработала себе ранку, как вчера Светке. Бинтовать не стала, а то вдруг повторится та же история, что с моей подругой? Мама встревожится, снимет повязку и... ничего не увидит.

И тут только я вспомнила про борщ. Прибежав на кухню, я увидела, что он уже порядком-таки выкипел. И все из-за этой черной дыры, которая почему-то знает то, что было еще зимой! Хоть поем с горя... Я вылила борщ в тарелку, бухнула туда полбанки сметаны, взяла хлеб и... настроение мое стало быстро улучшаться с каждой съеденной ложкой. М-м, как хорошо проварилось мясо – так и тает во рту! Уф, ну вот. Теперь, кажется, жить можно – и довольно приятно. Голод, наконец, отпустил меня. Даже укушенная нога, уже меньше болела.

Я заварила чай и опять задумалась о своем сегодняшнем открытии: Сашка бывает в гостях у Марьи Степановны. Ну, что он может там делать, первый хулиган во дворе? О чем Иноземцев может беседовать со старухой, у которой такой бзик по поводу тишины и порядка? Неужели она читает ему свои нудные нотации, а Сашечка кивает и обещает исправиться? Нет, это полная ерунда...

Я налила себе чай в стакан, взяла печенюшку и подошла к окну. Интересно, Иноземцев до сих пор на улице? Да, он был там – одиноко сидел на скамейке. Почему он все-таки не идет обедать? Может, мать ждет? Двор по-прежнему пуст – ни одного человека. И охота ему торчать на жаре без всякой компании! Лучше уж дома телевизор смотреть.

Я дожевала печенье и потянулась к столу, чтобы взять себе еще. Странно! Сашка, похоже, за это время передвинулся влево. А зачем? Не все ли равно, на каком краю скамейки сидеть? Наверное, мне показалось. Нет, вот опять! Что это у него за фантазии – ездить задом по лавочке? Совсем, что ли, делать нечего?

И тут наш со Светкой недруг опять рывком подвинулся влево. Ха, интересно, а дальше он как собирается перемещаться? Теперь рядом с ним оказалось что-то, завернутое в бумагу. Так сейчас и проедет по этому белому свертку? Сашка осторожно оглянулся по сторонам. Боже, какие тайны! Штирлиц пришел на встречу с резидентом... Я чуть не рассмеялась от нелепой таинственности того, что выделял там внизу Иноземцев. Но в следующую секунду прикусила язык от изумления. Мальчишка схватил сверток, еще раз быстро оглянулся, разорвал бумагу и что-то достал из нее. Кажется, это был кем-то не доеденный пирожок или беляш, и Сашка жадно вцепился в него зубами...

От увиденного мне стало плохо. Мой бывший (я уже была в этом уверена) враг украдкой доедал то, что небрежно бросили другие – как я, сытые. Вот почему он не пошел обедать вместе с остальными – не потому, что не хотел, а потому, что есть ему дома нечего. Мальчишка дождался, пока все ушли, чтобы, постепенно приближаясь к этому несчастному свертку, незаметно для других проглотить лежащий в нем огрызок. Потому он и оглядывался: как бы кто-нибудь не увидел. А я, как дура, чуть не посмеялась над ним. Хорошо смеяться, умяв тарелку борща! От стыда за себя и от жалости к Сашке я чуть не заплакала. А мне отлично известно, какой он гордый. Я представляю, чего ему стоили эти вороватые и таинственные действия посреди пустого двора. Хорошо хоть, Иноземцев не подозревает о том, что я все видела. Комок упорно стоял у меня в горле, и я никак не могла его проглотить.

Сашка внизу выбросил бумагу в урну, встал со скамьи и понуро побрел куда-то прочь – явно не домой. Называется, пообедал...

Проводив глазами сгорбленную фигурку Иноземцева, пока она не скрылась за углом соседнего дома, я в бессилии опустилась на стул. Какой-то ужас. Конечно, я и раньше знала о том, что Сашкина мать не смотрит за ним и занимается только собой. Но что он еще и голо-

дает? Это же дикость. Я знала: его отец регулярно приносит в семью деньги, когда приезжает с Севера на побывку. Почему же, в таком случае, сын доедает чужие пирожки?

Нет, не потому, что нет средств. Просто Сашкина мать – не такая, как моя и как другие матери. Она вообще не помнит, что надо приготовить своему ребенку обед, чтобы он мог поесть в ее отсутствие. Она ведь сегодня, наверное, как ушла со двора с той морщинистой теткой, так еще и не вернулась. Где ей помнить о Сашке вдали от дома, если она не заметила сына и не повернула головы, когда он рядом с ней проходил?

От злости на «Лорочку» у меня заныл висок. И, главное, непонятно, как помочь мальчишке. Не предложишь же ему, как Светке: «Пойдем ко мне, поедем!» – мы с ним совсем не друзья, а наоборот. Да и не захочет он, это ясно как день. Ни за что не признается, что голоден – уж я его характер знаю, недаром в одном классе учимся. И понятно теперь, почему он такой худой – кожа да кости. Не растолстеешь, пожалуй, с такой мамашей, которая способна думать лишь о том, что модно «в этом сезоне».

Я вымыла посуду и ушла в комнату. Включила телевизор и честно пыталась его смотреть, но... Сашка не выходил у меня из головы. Я с новой волной стыда призналась себе, что появление Пики в нашей со Светкой жизни – абсолютная чепуха по сравнению с тем, что придется терпеть этому мальчишке – и, может быть, уже давно.

Хотя нет, Наверное, не очень давно... Кажется, еще года не прошло, как умерла Санина бабушка. Да, это было, точно, прошлой осенью. Я так долго вспоминала потому, что терпеть не могу похороны и все, что с ними связано. Когда такое случается у нас в доме, я стараюсь носа во двор не высовывать. Мне невыносимо страшен и красно-белый гроб, и мертвое лицо в нем, и плачущие родные покойника, и жуткий вой оркестра. Мне невольно представляется: а вдруг умру я, или кто-то из родителей, или Митя? Ведь случается изредка, что и совсем маленькие дети уходят из жизни. И тогда от ужаса мне хочется не просто плакать, а кричать в полный голос...

Ну, так вот. Теперь я точно могу сказать, что Сашка до смерти своей бабушки был совсем другим. То есть, конечно, и в то время был хулиганистым, но веселым и краснощеким. Правда, «Лорочка» и раньше по целым дням пропадала где-то. Но, видно, бабушка Иноземцева очень любила своего внука и даже баловала: его карманы были вечно набиты конфетами, печеньем и тому подобным. А иногда Сашка выходил во двор с еще горячей булочкой, от которой пахло просто умопомрачительно, и ребята начинали глотать слюнки и подбираться поближе – вдруг перепадет? Иноземцев не жадничал – всем отламывал по кусочку. Да, уж тогда он точно не голодал! Зато теперь...

Нет, я больше не могу сидеть перед этим дурацким телевизором! Тем более, что совершенно не понимаю, что происходит на экране. Надо позвать Светку и немедленно ей рассказать об увиденном! А то у меня сейчас от пережитого за последние час-полтора голова лопнет. Правда, подруга в данный момент старается придумать, как нам избавиться от Пики. Не хочется отвлекать ее от размышлений... Нет, все-таки пойду ей «позвоню».

Я решительно направилась в детскую и подергала за веревку «телефона». Когда мой колокольчик ответно звякнул, побежала на балкон. Задрав голову, я увидела, что подруга уже ждет меня. До чего забавно выглядит снизу ее свесившееся ниже перил лицо и белые кудряшки, которые треплются от ветра! Но мне в этот раз было не до смеха, и я поскорее крикнула ей:

– Света! Иди ко мне быстрее, новости есть!

– Лучше ты иди! – ответила подруга. – У меня пирожные – «безе». Ты же их любишь?

Да, люблю, это верно. Ах, как они нежно рассыпаются, и тонко хрустят, и тают на языке...

– Ладно, сейчас, – сказала я. – Поставь пока чайник греться.

Через минуту я была уже у Светки. Она, как заботливая хозяйка, не стала сразу выпрашивать у меня, что случилось. Сначала мы с подружкой выпили чаю и быстро съели белые воздушные прелести – а было их, кажется, штук шесть.

Потом, убрав крошки и помыв стаканы, мы ушли к Светке в комнату, и я ей рассказала для начала про мамины серьги и гнусную выходку мыши, про странное выражение ее глаз и свое недоумение: как зверюшка могла узнать о нашем разговоре с мамой, если он был еще зимой? Светка сочувственно посмотрела на мою опухшую пятку со следами Пикиных зубов и сказала:

– А она ничего и не знала. Просто все мамы, наверное, запрещают дочкам трогать их драгоценности. Ну, чтобы они их не сломали и не потеряли. Легко догадаться!

Такая мысль не приходила до сих пор мне в голову. А ведь, может быть, подруга и права. Но что-то мышь получается уж очень умная, на мой взгляд: все знает, что там, у людей бывает, а сама с хвостом!

Рассказ о Сашке Иноземцеве и пирожке на скамейке расстроил Светку, хотя она старалась этого не показывать. Только нахмурилась и стала тереть пальцем родинку на щеке – а это у нее всегда является признаком крайнего смятения. Она подтвердила мое мнение о том, что Сашка очень переменялся с тех пор, как лишился бабушки – злее стал, насмешливее и как-то бесшабашнее, будто ему вообще до лампочки, что с ним будет.

– Наверное, и мы с тобой были бы не лучше на его месте, – глубокомысленно заметила Светка.

«Ну, да, – подумала я, – если бы моя мама, забыв про меня, папу и Митьку, ушла на целый день из дома, не оставив поесть... Я бы пожалуй, еще как рассердилась и обиделась!»

– Ну, а ты, Свет, – спохватилась я наконец, – что-нибудь поняла насчет мыши?

– Нет, – призналась она. – Я только одно знаю: нам с тобой кто-нибудь должен в одно и то же время наложить такие запреты, чтобы они противоречили друг другу. Понимаешь, чтобы один из них исключал другой – и наоборот! Вот тут-то наша мышка и запрыгает!... Но как это устроить, я придумать не могу, – уныло закончила моя подруга-шахматистка, – вернее, пока не могу.

– Конечно, пока! – заверила я ее, и она сразу воспрянула духом. – Но только постарайся побыстрее, а то Пика нам ноги скоро отъест.

– Постараюсь, – серьезно пообещала мне Светка.

Потом, помолчав, предложила:

– Слушай, давай сейчас «Гарри Поттера» почитаем. Я же его теперь в руки взять боюсь – сразу мышь вспоминаю. Знаю, что глупо – днем-то мне никто еще читать не запрещал. Но вот если бы ты первая начала, вслух...

Хитрюга моя подруга! Она очень любит слушать мое чтение вслух. Говорит, что это у меня здорово получается – как у артистки радио. Может, и так, не знаю. Но раз Ковалевой нравится, почему и не сделать ей приятное?

Светка дала мне книгу. Я открыла ее на первой странице, и... понеслась мимо нас по комнате загадочная, страшная и смешная история о мальчике со шрамом на лбу. Яркий вихрь подхватил нас, и мы забыли обо всем, кроме Гарри, который храбро сражался с двумя дементорами на улице Магнолий... Устав читать, я замолчала и подняла глаза на Светку. Она, заморев, смотрела куда-то влево от меня, на угол дивана. Я тоже взглянула и от неожиданности больно прикусила себе язык. Удобно устроившись на диванном валике, там сидела... Пика! Поймав мой изумленный взгляд, она нетерпеливо застучала лапками по обивке и несколько раз возмущенно пискнула.

– Читай дальше! – побелевшими губами шепнула мне Светка, продолжая смотреть на мышь.

Я стала бормотать, растерянно глядя в книгу. Краем глаза можно было заметить, что Пика сразу успокоилась, замолчала и, как зачарованная, уставилась на меня. «Неужели она слушает? – напряженно думала я, совершенно ничего не понимая из только что прочитан-

ного. – Пике что, нравятся такие вещи? Она, случайно, в театре не бывает, под креслами там не сидит?»

От волнения и удивления перед новыми фокусами мыши я быстро изнемогла и захлопнула книгу со словами:

– Я устала. Хватит на сегодня.

Светка рядом со мной испуганно дернулась, ожидая нового нападения бабкиной шпионки, очень недовольной прекращением интересного чтения. Но мне было все равно: не могла же я бубнить вечно! Ну, подумаешь, другую пятку продырявит – а я ей тогда тресну опять ногой!

Но мышь хотя и надулась от обиды на мою усталость, вроде бы не собиралась кусаться. Она еще некоторое время переводила глаза с меня на Светку, надеясь, что я снова начну читать. Поняв, что продолжения банкета ей не дожидаться, от разочарования так оглушительно вякнула свое: «Пи-ик!», что у нас засвербило в ушах – и, вильнув хвостом, спрыгнула с дивана. Потом нырнула под штору и без следа испарилась. Как обычно, в общем. Мы со Светкой на этот раз ничуть не удивились ее исчезновению – уже привыкли. Только вздохнули с облегчением и принялись обсуждать то, что нас поразило в поведении мыши. А было о чем задуматься, честное слово!

Во-первых, Пика явилась не затем, чтобы следить за нами и карать за нарушение запретов – и сегодняшних, и давних, – а чтобы слушать мое чтение.

Во-вторых, о Марье Степановне мы даже не упоминали – не то что ругать ее или грозиться отомстить старухе за какую-нибудь неприятность. А мышь пришла!

В-третьих, она не проявляла к нам никаких враждебных чувств – не скалила зубы, не хихикала ехидно, как недавно во дворе за кустом, не смотрела с укором, как в случае с маминными серьгами. И хотя потом, когда я захлопнула книгу, грызунья рассердилась, но все же не стала кусаться.

– Да, – подвела итог Светка. – Сразу, конечно, было ясно, что она – не обычная мышь, но такое...

– Умная зверюшка, – сказала я. – Вот только жалко, что не говорит, а то бы...

Подружка засмеялась:

– Ну, уж если заговорит, то нам с тобой точно будет в психбольницу пора! А может, и сейчас уже...

Мы уныло замолчали. А что, если это действительно так? И мы просто чокнулись?! Но тут я опомнилась: мне на ум пришел знаменитый мультфильм про Дядю Федора с Матроскиным и Шариком, и я сказала голосом его папы:

– С ума поодиночке сходят. Это только гриппом все вместе болеют.

– Ага! – мрачно ответила Светка. – Но Пика не такая простая, как нам сперва казалось. Ты видишь – она каждый раз новые коленца выкидывает? А чего от нее завтра ждать, вообще непонятно.

– Подумаешь! – пожала я плечами. – Пускай себе носится, лишь бы нас не трогала.

– Да?! – разозлилась Светка. – А я вот не хочу, чтобы она за мной бегала, и все вынюхивала, и заставляла быть послушной овечкой!

– Я тоже не хочу, – от возмущения у меня даже голос охрип. Наверное, слишком долго я читала вслух. – Но что мы можем сделать? Она приходит, когда хочет, и уходит тоже.

– Не можем! – закричала моя подружка. – Потому что не понимаем, кто она такая! Почему все про нас знает, как через стены проходит! И вот еще – пожалуйста! – еще и рассказы любит слушать! А может, мышка и читать умеет?!

– Да! И писать! – заорала я. – И каждый день строчит бабке отчет! О нашем поведении и как она нам своеволие ноги кусает! – тут я окончательно осипла, отошла к окну и сердито

отвернулась от Светки. Подумать только, до чего она развопилась! На нее это совершенно не похоже...

Никогда раньше не видела, чтобы моя спокойная подружка так злилась. Бывает, конечно, что она после долгой сдержанности вдруг срывается и начинает возмущаться – как вчера в подъезде с Марьей Степановной. Но сейчас...

– Ну, ладно, Ир! Ты меня извини, – Светка подошла ко мне сзади и крепко обняла. – Ты-то ни в чем не виновата. Но я не могу – понимаешь, не могу! – выносить, что за мной кто-то постоянно следит. Как за амебой в микроскопе! Она не имеет на это права – то есть они обе – и бабка, и эта мышь ее. Если мы с тобой маленькие, то можно с нами что хочешь вытворять? Я и ты тоже люди, и мы сами знаем...

– Что?

– Да что нам нужно. Взрослые, конечно, знают больше – но и живут не так, как дети. И хотят совсем другого. Но мы же не мешаем взрослым делать, что им нравится. А они почему к нам лезут? Да еще так! Я постоянно чувствую эти два дня: за мной шпионит какой-то... огромный глаз. Что бы я ни делала, он сразу видит и знает. Это страшно и... противно. Меня просто воротит, и я не могу нормально подумать про эту дуру Пику и наконец сообразить, кто она такая. А без этого нам от нее не избавиться, ты понимаешь?

– Понимаю, Свет! – успокоительно сказала я. – Но, может, она и не совсем дура? Вон пришла «Гарри Поттера» слушать. И вела себя как человек почти! Только, конечно, не попрощалась вежливо, когда уходила, и не ждала, чтобы мы ее до дверей проводили. Но остальное-то было нормально.

– Тебе, если не кусается, то и нормально, – проворчала подружка. – Будто это самое главное.

Я машинально потеряла свою несчастную пятку и подумала: «Если и не главное, то и не последнее. Тебе хорошо говорить, у тебя нога уже, наверное, не болит».

Подружка, смотревшая в это время в окно, сказала дрогнувшим голосом:

– Смотри, а вон и бабкин гость идет, и не один, а с каким-то толстяком! И оба еле тащатся.

Я тоже выглянула. Действительно, по двору медленно шествовал Сашка, а рядом с ним – жирный белобрысый парень лет шестнадцати. Он, казалось, убеждал в чем-то нашего усталого одноклассника, который на этот раз направлялся вроде бы к собственному подъезду. Сашка еще больше ссутулился и уже еле-еле переставлял ноги, слушая парня вполуха или вообще не слушая. Вдруг белобрысый сказал ему что-то такое, от чего Сашка вздрогнул и сразу выпрямился. Толстяк вынул какой-то предмет из кармана и стал вертеть им перед Сашкиным носом. Тогда «бабкин гость» резко тряхнул головой и решительно направился за белобрысым совершенно в противоположную сторону – туда, откуда они и пришли. Оба быстро скрылись из вида, а Светка сказала:

– Знаешь, Ир, надо как-то помочь Сашке. Вон он как шел – еле ноги волочил. Может, Иноземцев и был сегодня у старухи. Ну, и что? Мы его все же давно знаем – гораздо дольше, чем Марья Степановна. Она-то в наш дом всего несколько лет, как приехала. А мы с Сашкой раньше часто играли, когда были маленькие – он тогда еще не был таким дураком.

– Да я-то не против. Что ты меня убеждаешь? Конечно, надо помочь, – ответила я Светке. – Но ведь он гордый. Он от нас ни за что еду не возьмет, только нахмурится... знаешь? – и я изобразила знакомую подружке высокомерную Сашкину гримасу.

– Ну, если так рассуждать, – сердито возразила Светка, – то надо оставить его умирать с голоду. Режь-ка колбасу и сыр, – она потащила меня в кухню, быстро достала продукты из холодильника и подвинула мне разделочную доску. – А я сейчас хлеба наготовлю...

Светка тоже схватила нож и стала, торопясь, кромать буханку. Я заметила: подружка посмотрела на часы. Интересно, зачем? Она что, собирается накормить Сашку бутербродами

в точно установленное время? Я сразу вспомнила сцены из романов Агаты Кристи, когда со звоном часов строгий дворецкий входит в гостиную и говорит:

– Кушать подано, сэр.

То есть, конечно, дворецкий – это Светка в своих оранжевых шортах. А Сашка – молодой аристократ – небрежно складывает газету «Таймс», бросает ее на столик, встает с кресла и неторопливо идет через золоченые двери в столовую, обедать... Все это так ярко представилось моему воображению, что я рассмеялась и в увлечении чуть не порезала себе палец. Подружка удивленно покосилась на меня и на огромную гору из ломтиков колбасы и сыра, сказала:

– Хватит! – и стала делать бутерброды.

Их получилась целая куча. Мы быстро засунули наши изделия в целлофановый мешочек, а его в свою очередь в продуктовый пакет. Готово! Мы сели на табуретки вокруг стола, чтобы немного передохнуть, Мне было понятно, что торопилась Светка не зря (и я, конечно, вместе с ней). Скорее всего, сейчас пойдем во двор с этим милым пакетиком. «Интересно, – думала я, – как все-таки Светка собирается предложить бутерброды Сашке? Просто представить невозможно»...

Подруга прервала мои размышления:

– Все, хватит сидеть. Скоро он пойдет через двор домой. Надо уже быть там!

Она схватила пакет и отдала мне. Сама отыскала на полке в буфете ключ, положила в карман шорт. Мы торопливо обулись в прихожей, захлопнули дверь и побежали на улицу. Как там было жарко! Любимая скамейка резко обожгла тело через одежду, когда мы сели на нее, поставив посередине пакет. Глаза наши сразу невольно обратились, конечно, на окна Марьи Степановны. Там она скрывается, эта дрессировщица мышей! Вот уж устроила гадость, так устроила. Сама за нами успеть не могла – и Пику послала! И надо отдать этой толстой разбойнице должное: она поначалу здорово нас напугала. Но теперь... Не знаю, как Светке, а мне она стала намного симпатичнее. Литературу вот любит – как и я. Но подружка тоже права насчет огромного глаза, который следит за нами. Я почему-то чувствую это не так болезненно, как Светка. Тем более, что мама действительно запретила мне трогать серьги, а я взяла. Стыдно все-таки... Мне показалось, что на окне Марьи Степановны дрогнула занавеска. Подглядывает за нами – как всегда, хотя мышь ей, наверно, (уж не знаю, каким образом) часто и подробно доносит о наших «прегрешениях». Меня внезапно возмутило это тайное подглядывание из окна: захотелось взять камень побольше и... Ой, нет! А то опять достанется от Пики! Торчите себе, Марья Степановна, за шторой, смотрите на нас со Светкой – таких умных и красивых, если это доставляет вам удовольствие. А мы уж здесь посидим, подобные, как сказала подружка, амебам под микроскопом...

Я вздрогнула: Светка ткнула меня локтем в бок и показала головой налево. Что там? Так и есть, из-за угла дома выскочил Сашка, встрепанный и измученный. Он продолжал бежать, но видно было, что из последних сил. Мальчишка задыхался, ноги его заплетались. Мы со Светкой удивленно уставились на него: чего бежит, спрашивается, если уже не может? Но тут все стало ясно: с той же стороны дома вынырнул толстяк, с которым они недавно вместе ушли из двора. Он, пыхтя на ходу и трясая щеками, тоже бежал – за Сашкой. Заметно было, что и белобрысый сильно устал (попробуй-ка побегать с таким весом!). Правда, расстояние между ними все же сокращалось – парень упорно догонял нашего одноклассника. «Потому что Сашка голодный! – сразу бухнуло у меня в голове. – А этот вон какой сытый, чего ему не бегать!»

Мы с подружкой переглянулись и без слов поняли друг друга. Было ясно: надо спасать Сашку. И быстро! – потому что белобрысый был уже недалеко. Но как? Я оглянулась по сторонам. Вот оно! – прямо за нашими спинами между последним гаражом и витым чугунным забором (рядом с нашим домом помещается какая-то солидная контора с ограждением и воротами) был небольшой проход. Сейчас, летом, заметить его было нелегко, потому что в это время года

он хорошо скрыт мощными побегами клена, которые растут со стороны нашего двора вдоль забора. Мы-то со Светкой хорошо знаем про эту дыру – сами сто раз через нее удирали. Но как протолкнуть туда Сашку, не показав замаскированный выход толстяку? Оба бегуна были уже совсем близко. Стоило рискнуть! Показав Светке на спасительное отверстие, я шепнула ей:

– Отвлеки жирного! Хоть как!

Краем глаза я увидела, что она вскочила со скамейки и кинулась навстречу парню. Я протянула руку к пробегавшему мимо Сашке и успела схватить его за футболку. От неожиданности мальчишка споткнулся и чуть не упал. В это время сбоку послышался Светкин визг и страшная ругань толстяка. Пора! Держа Сашку за локоть и ничего не объясняя, я подтащила его к выходу из двора и резко толкнула в него. Он сразу исчез – только зелень закачалась. Уж, думала я, он не тормоз какой-нибудь и догадается спрятаться потом между гаражами (между ними вполне можно пролезть). Пора было бежать на выручку к Светке.

– Дура больная! – орал парень, пытаясь встать и отрывая от себя мою подружку.

– Сам дурак! – вопила она. – Несешься, как лось! Людей сбиваешь! – а сама яростно трясла его за грудки и не собиралась отцепляться..

Я сразу жалобно запричитала и подбежала к ним:

– Светочка, милая! Как же ты упала?! Это он тебя уронил?! Вставай скорее, я тебе помогу!

Подружка испустила последний обиженный крик и сильно толкнула парня в грудь, выпустив его рубашку. Толстяк шмякнулся плашмя, как мешок. Визгливо рыдая и тайно мне улыбаясь, Светка схватилась за мой локоть и поднялась на ноги. Белобрысый встал с трудом, а встав, не сразу вспомнил, зачем он здесь, и стал отряхивать песок с одежды. Потом, вздрогнув, выпрямился и тревожно заозирался вокруг. «Фиг тебе!» – злорадно подумала я, с притворной осторожностью ведя подружку к подъезду и оглядываясь через плечо. Усадив «пострадавшую» на лавочку, я весело показала ей глазами на толстяка. Он со всей возможной поспешностью бежал в дальний угол двора, думая, что Сашка скрылся там, за соседним домом.

Светка довольно усмехнулась и сказала:

– Ну, давай, давай. Чеши быстрее, а то опоздаешь! – и, достав из кармана шорт кружевной платочек, стала вытирать им грязное лицо и руки.

Тут я вспомнила про оставленный на старом месте пакет с бутербродами, сходила за ним и подала подружке со словами:

– Ну, ты молодец! Просто артистка! А он, по-моему, ничего так и не понял, остолоп жирный! – и засмеялась.

Светка, взяв пакет, тоже улыбнулась в ответ, но как-то грустно. Я заметила, что она расстроилась. Интересно, из-за чего? Наверное, из-за того, что, спасая Сашку от погони, мы все же не сумели отдать ему бутерброды. Я кивнула на них и спросила:

– А что теперь с этим?

– Не знаю, – огорченно призналась подружка. – Я думала...

– Что?

Меня разбило сильнейшее любопытство. Ведь как-то подружка собиралась вручить наше угощение этому горе-бегуну! Но тут Светка подобралась и вскинула голову. Я проследила ее взгляд и увидела... Сашку, который нетвердой походкой двигался через двор прямо к нам.

– Молчи и ничему не удивляйся, – сквозь зубы тихо сказала мне подружка.

– Не буду, – проворчала я в ответ. – А могла бы сказать...

– Тихо, – прошептала Светка. – Все испортишь!

«Бабкин гость» подошел к скамейке и сказал:

– Ну, привет, что ли? А то мы даже не успели поздороваться, – и сел рядом.

– А разве ты когда-нибудь здоровался? – ехидно спросила Светка.

– Нет, – отпарировал Сашка. – Но и вы никогда!

– Ладно, забыто, – прервала я их спор. – Ты чего подошел-то?

– Ну как! – вдруг покраснел наш хулиганистый одноклассник. – Вы же мне помогли. Только не понял, почему? – недоуменно спросил он.

– Потому что мы обычно выручаем людей в беде, – с достоинством произнесла Светка. Я в душе восхитилась: просто настоящие «Чип и Дейл спешат на помощь»!

– Ну да, – усомнился Сашка. – Что-то я не замечал.

– Где тебе заметить? – с тихой грустью поддержала я подружку. – Ты только и знаешь людей на клумбы кидать!

Мальчишка покраснел еще больше – запыхал, как огонь. Подружка, искоса взглянув на него, сделала мне незаметно предостерегающий жест: молчи!

– Извините, – выдавил Сашка. – Вы тоже...

– А мы в ответ! – беспощадно отчеканила моя подруга.

Иноземцев сник. Тут Светка неловко задела стоящий на скамейке пакет, он упал набок, и из него вывалился тщательно завязанный мешочек с бутербродами. Сашка только мельком взглянул на них и сразу отвел глаза, но я успела заметить, как они блеснули. Подружка подхватила мешок и засунула назад в пакет, воскликнув:

– Вот! Еще и это! Ты помнишь, Ир?

Я, нахмурившись, сочувственно молчала (как меня просили).

– Я из-за тебя не отнесла ужин папе на завод. А он на работе сегодня задерживается, – проворчала подружка. – Мама сделала бутерброды и велела нам с Ирой бежать к проходной. А там бы папа вышел и забрал. Ну, ладно. Двигаться надо. Пошли, Ир, – и она стала вставать со скамейки.

Вдруг Светка громко охнула и упала на свое место.

– Ты чего? – испуганно спросила я.

– Нога, – жалобно простонала подружка. – Тот балбес мне так двинул!

Сашка растерянно заморгал и снова начал заливаться краской.

– Ну, что теперь делать? – отчаянно запричитала Светка. – Папа выйдет на проходную, будет меня ждать, и что? А он сегодня домой только ночью придет!

– А, может, мы с Иркой отнесем? – робко предложил мальчишка.

– Да вы не знаете куда! – ответила подружка. – У нас с папой есть свое, особое место. Он всегда меня там ждет. А я вам так просто не объясню, где это.

Светка чуть не плакала. Я уже поняла, что она ведет свою игру, и поэтому успокоилась насчет ее ноги. Интересно, что будет дальше?

И тут... из-за угла появился подружкин папа. Он быстро шел к подъезду.

– О! – растерянно сказала Ковалева. – Как хорошо! Их почему-то не стали сегодня задерживать.

Сашка облегченно вздохнул и вытер ладонью лоб.

– Добрый вечер, молодежь! – сказал Светкин отец, подойдя к нам.

– Здравствуйте, – ответили мы с Сашкой.

Светка молча смотрела, как он поднимается на крыльцо и скрывается за дверью подъезда.

– Ну, и что я теперь скажу маме? – сердито поинтересовалась подружка. – Она сейчас сразу у папы спросит, отдала ли я ему бутерброды. Он скажет, что нет; а тут, здарсьте, я заявляюсь с полным пакетиком!

– Попадет тебе, – сказала я, наконец поняв, куда она клонит.

– Так! – заявила Светка. – Это ты, Сашка, виноват, что мы пакет не отнесли. Вот ты теперь все бутерброды и съешь, а я потом дома скажу, что увидела, как папа домой идет, и угостила ими ребят во дворе. Тогда мама меня ругать не станет, – и она строго посмотрела на Сашку.

Тот, удивившись, спросил:

– Почему я? Чего вы сами бутеры не съедите?

– А по-твоему, мы слоны? – сурово поинтересовалась Светка. – Мы знаешь, как наелись перед выходом из дома?

Мальчишка вздохнул. «Наверное, вспоминает, когда он сам в последний раз ел досыта», – с жалостью подумала я.

Светка протянула ему бутерброды:

– Бери и шагай домой. Хоть умойся там, а то у тебя лицо пыльное. А мы с Ирой сейчас уйдем к вон туда под дерево, чтобы мама меня сразу домой не загнала.

Сашка покорно взял пакет и пробормотал:

– Спасибо!

Потом он с трудом поднялся со скамейки и побрел к своему подъезду. Дождавшись, когда Иноземцев войдет в дверь, я крикнула Светке:

– Ты гений! Просто вокруг пальца его обвела!

Подружка, просияв, откинулась на покатую спинку лавочки и сказала:

– Да, кажется, все получилось. Правда, был момент, когда я испугалась, что Саня вообще убежит со двора из-за этого толстого. Тогда бы мой план сорвался.

– Я теперь понимаю, почему ты, делая бутерброды, торопилась и на часы смотрела. Тебе надо было, чтоб дядя Игорь в нужный момент мимо нас с работы прошел. Вот уж точно моя подружка – «мозговой центр»! – от восторга перед Светкиным умом мне хотелось петь и плясать.

– Ну да, – небрежно махнула рукой Ковалева. – Он всегда, если не задерживается, без пятнадцати пять подъезжает к дому. Может быть, плюс-минус две минуты.

– Но слушай! – спохватилась я. – Ты же не могла знать, что Сашка будет убегать от парня. И что придется, спасая Иноземцева, чуть ли не драться с толстяком. Но не случись его рядом, кто бы в этом случае тебе «ногу повредил»?

– Я хотела все то же самое с Сашкой проделать – ну там, попасться ему навстречу, налететь, упасть... Потом заорать, конечно. Сашечка мне еще бы и встать помог, никуда не делся. А дальше – по сценарию.

Довольная Светка опустила ресницы. Я радостно хлопнула ее по плечу, открыла рот, чтобы сказать еще что-нибудь ободряющее и... замерла от удивления.

Вы уже, конечно, догадались, кого я увидела. Пику, конечно! Ну, как без нее? Мышь сидела на нижней ступеньке крыльца и размахивала своим хвостом, как боевым флагом. Но не это изумило меня, а совсем другое. Понимаете, она улыбалась, причем так же самодевовольно, как Светка! Нет, не может быть. Я закрыла глаза и потрясла головой, чтобы отогнать глупое видение. Насторожившаяся подруга подняла голову и ахнула:

– Опять она приперлась! И еще смеется!

Но тут Пика в очередной раз доказала нам, как мало мы ее знаем. Мышь сверкнула глазками на возмущенную Светку, улыбнулась еще шире и, как-то сложив свою лапку в подобие кулачка, показала нам... большой палец – видимо, в знак одобрения сценки, которую мы только что разыграли с мальчишкой. Потом два раза весело пискнула и растворилась в воздухе.

На Светку жалко было смотреть: зеленовато-бледная, с трясущимися губами, она моргала, наверное, целую минуту. Я ждала, что скажет Ковалева. И дождалась.

– Ты видела, что творит Пика? – всхлинула моя подруга. – А я... Я ничего не понимаю. Очень обидно не понимать того, что творится вокруг! – и ее голос сорвался.

Да, невыясненных вопросов было много. В частности: почему Светка так злится? И ведь уже в который раз за последнее время! И еще, конечно, любопытно: отчего мышка одобрила наш поступок? Глупо скрывать: мы обманули Сашку – хоть и для его пользы, но... врать-то нам родители тоже всегда запрещали. И вообще, какое дело мыши до этого мальчишки? Подружке, конечно, хочется все разложить по полочкам. Но – не получается. Невозможно логически свя-

зять в одно целое поступки Пики, чтобы как-то объяснить их и вывести даже простейшую закономерность.

– Знаешь, Ира, – сказала мне Светка, – если мы в ближайшее время не поймем, что происходит, я с ума сойду. А помочь нам в этом может один Сашка. Ты уловила? Он и к старухе заходил, и мышь его любит сильно, раз не покусала нас за вранье. Они трое связаны между собой, и надо узнать, как.

От новых подружкиных умозаключений моя бедная голова окончательно закружилась. Я заявила Светке:

– Больше не могу, устала! Срочно двигаю домой и тебе то же самое предлагаю.

Ковалева кивнула, и мы пошли. Всю дорогу промолчали (не было сил разговаривать), а попрощались у моей двери лишь кивком головы. Я уже дома вспомнила, что мы забыли договориться, во сколько и где завтра встречаемся. Но открытие меня абсолютно не огорчило, – просто я чувствовала: это и так произойдет, без всяких слов.

Вид у меня в тот вечер был до того изнуренный, что мама тревожно пощупала ладонью мой лоб: не заболела ли? Митя, который радостно запищал при приходе любимой сестры и все пытался рассказать что-то о своих детсадовских делах, надулся и отошел в сторону. Папа из-за газеты несколько раз пытливо взглядывал на меня, но ни о чем не спрашивал.

Зато когда потом, за ужином, я умяла целую гору маминого салата с кальмарами (аппетит у меня был зверский!), родители с облегчением улыбнулись и вроде бы успокоились. Митька, правда, так и продолжал обижаться. Зато Пика – какое счастье! – больше не появлялась – ни вечером, ни ночью.

Глава 8. Жуткое путешествие

...Мы со Светкой ехали в трамвае. Вернее, не ехали, а неслись вперед с бешеной скоростью. В дребезжащем, лязгающем вагоне было пусто; мы являлись единственными пассажирами (то есть перепуганными пассажирками). Ни я, ни Светка, сидящая у окна, не знали, куда обе так стремительно летим в этом гуле и зачем. Мы, со страхом прижавшись друг к другу, не отрываясь смотрели в окно, за которым бушевала буря. Ветер бросал на стекло потоки мутного ливня, дико завывал и раскачивал трамвай. Нам оставалось только хватать друг друга за руки и в ужасе замирать: вот сейчас опрокинемся и погибнем... Но нет! Вагон опять с лязгом встал на рельсы и несся дальше. Мы напряженно ждали: чего? – я не находила ответа.

Вдруг ураган за окном стих и трамвай сбавил ход. Он, постепенно замедляя скорость, перестал дребезжать своими железками, дал подряд три звонка и, наконец, остановился. Двери мягко открылись. Мы с подружкой встали с сидений, направились к выходу. Ни я, ни Светка уже не трусили – ведь буря осталась позади, а мы уже приехали. Куда? – неизвестно. Странное ощущение чего-то неведомого, что должно было вот-вот открыться, овладело нами. Мы спрыгнули с подножки трамвая и огляделись.

В безоблачно-синем небе ровно светило солнце. По обе стороны от нас расстилались тщательно подстриженные и даже как будто расчесанные зеленые газоны. Между ними пролегла серая дорожка из каменных плит, так плотно подогнанных друг к другу, что открывшаяся картина казалась нарисованной (или, вернее, расчерченной по линейке). Внезапно раздался шелест крыльев. Стайка воробьев молча и в организованном порядке опустилась на дорожку. Они сели в виде ровного треугольника и замерли, глядя на самого крупного из всех, с красной шапочкой на голове. Вожак негромко чирикнул, и тогда птички стали клевать что-то, видимо, раньше рассыпанное на плитках – причем делали это неторопливо, солидно, без единого звука. Подобрав последние крошки, они подняли головки и опять посмотрели на старшего воробья. Тот чирикнул – на этот раз дважды – и стая, взлетев, скоро скрылась из виду.

Теперь путь был свободен. Мы пошли по дорожке вперед (почему-то тоже молча и чуть ли не в ногу). Постепенно мы так приноровились к движению друг друга, что скоро печатали шаг не хуже солдат на парадах. Я с удивлением подумала, что это мне почему-то нравится (а ведь я всегда терпеть не могла строевую подготовку и старалась в школе от нее по возможности отлынивать, вызывая неодобрение нашего ОБЖ-шника, майора в отставке).

Увлечшись шагистикой, мы не сразу заметили, что впереди показались какие-то строения, по которым быстро двигались малюсенькие существа. Но не к ним были прикованы наши взгляды, а к прямой и неподвижной фигуре в темном платье, стоящей в конце дорожки. Мы со Светкой еще выше вздернули подбородки, еще больше напряжились, и наши ноги застучали по гулким плиткам просто оглушительно.

И не ошиблись: не кто иной, как Марья Степановна собственной персоной терпеливо ждала, пока мы подойдем к ней. Вот мы уже стоим совсем близко, опустив руки по швам. Я без всякого удивления вижу, как Светка, судорожно глотнув, делает шаг вперед и докладывает, глядя старухе в глаза:

– Марья Степановна! Новые кандидатки на место жительства прибыли!

Та, изобразив улыбку, сдержанно кивает:

– Хорошо. Рада, что вы здесь. К осмотру готовы?

И тут я внезапно чувствую приступ паники (впервые за все путешествие). «К какому осмотру? – проносится у меня в голове. – Что она, врач, что ли?»

«Бабка из двадцатой», нахмурившись, смотрит на меня, осуждающе качает головой. Светка, заметив это, фыркает и с почтением спрашивает у Марьи Степановны:

– Разрешите сказать?

Та важно кивает в ответ, и подруга шипит мне:

– Ирина, не будь дурой! Не нас будут осматривать, а мы. Тебе понятно?

– Понятно, – отвечаю я, стараясь придать своему голосу твердость и неудержимо краснея, потому что очень хочу и не решаюсь задать вопрос: «А что тут осматривать? И зачем?»

Еще раз внимательно взглянув на меня, старуха усмехается, видно, довольная моей сдержанностью. Она делает нам рукой приглашающий жест и направляется в сторону домов. Мы, слегка отстав, следуем за ней, все так же четко печатая шаг.

Только подойдя совсем близко к постройкам, видим, что те крохотные существа, которые были еле различимы издали – это мыши. Много мышей, может, несколько тысяч. Они заняты строительными работами: одни быстро замешивают раствор в маленьких ванночках, другие подвозят к ним тачки, заполняют их доверху и везут к незаконченным стенам. Там они поднимаются по крепким доскам, поставленным наклонно. Другие маленькие строители принимают у них тачки, выкладывают их содержимое в какие-то длинные ящики, прикрепленные снаружи. За стенами ясно видны толстые столбы с перекладиной наверху. На перекладине – аккуратно уложенные горки сверкающих крохотных кирпичей и тоже – мыши, мыши, мыши. Они одновременно, как по команде, наклоняются вперед, держа в лапке по кирпичику; другой лапой подхватывают раствор, размазывают его по верху стены и ставят кирпич на нужное место. Затем процедура повторяется сначала.

Сразу видно, что работа хорошо спланирована – серые строители снуют, точно автоматы. Здорово, конечно! Очень похоже на мультфильм про муравьев, возводящих муравейник, – там они так же слаженно двигались и дружно взмахивали всеми своими шестью ногами.

Стоп! Но как же... Я еще раз внимательно смотрю на столбы, стоящие по ту сторону стен. Почему я их вижу?! Ведь должна быть видна только перекладина с мышами-каменщиками! Я бросаю растерянный взгляд на Светку и понимаю, что она думает о том же. Марья Степановна гордо говорит:

– Да, стены прозрачные. Кирпич-то из стекла, разве не видите?

– А зачем... из стекла? – в полном смятении спрашиваю я.

– А затем, – объясняет старуха, – что здесь будут жить только хорошие, добрые и честные люди. Им нечего скрывать!

Марья Степановна ждет, видно, нашего одобрения. Но мы ошеломленно молчим. И правда, стены очень красивы. Они так блестят на солнце, что не оторвать глаз. А когда дом будет готов, то он, конечно, засияет, словно хрустальный дворец из сказки «Аленький цветочек». Правда, в сказке во дворце жило чудовище. А здесь, видимо, поселимся мы со Светкой. И «бабка из двадцатой» будет часто (не сомневаюсь!) бывать тут и наблюдать через стекло за нашим поведением...

– Знайте, что раньше, чем сейчас, вы не могли бы попасть сюда, – долетает до меня суровый голос Марьи Степановны. – Вы были беспорядочными, нахальными девчонками и не признавали дисциплину ни в своих умах, ни в поступках. Но в последнее время я заметила, что вы стали исправляться, – конечно, не сами по себе. В этом вам помогла моя работница.

У наших ног раздается громкое: «Пи-ик!» Мы со Ковалевой опускаем глаза и видим старую знакомую. Она стоит в самой благонаправленной позе и ест глазами старуху. Та улыбается в ответ, движением пальца отпускает примерную Пику восвояси и растроганно смотрит ей вслед.

Тут я замечаю, что усердные мыши-строители вдруг бросили работу. Они подняли вверх свои усаые мордочки и зачарованно смотрят на легкое облачко, плывущее по небу. Черные глазки мышей светятся от восторга. Стройка замерла. Старуха вздрагивает и оборачивается. Голос ее дрожит от гнева:

– Это еще что?!

Облако в небесах сразу исчезает, как будто его стерли мокрой тряпкой. Маленькие строители опять начинают усердно суетиться. Работа закипает. Но Марья Степановна очень недовольна, хотя и пытается скрыть это. Она строго говорит нам:

– Теперь вы понимаете: главное – это порядок? Каждый должен делать только то, что положено. Вам ясно?

– Ясно! – гаркаем мы, вытягиваясь в струнку.

– Я хочу сказать вам еще кое-что, – смягчается старуха. – Скорее всего, вы здесь будете не одни. Могут появиться еще достойные люди.

Из-за подстриженных кустов выходит Сашка Иноземцев и смущенно смотрит на нас.

– Он тоже будет жить в этом доме, потому что почти уже исправился, – величаво говорит Марья Степановна, – если только... – и она пронзительно смотрит на мальчишку.

Тот виновато, но вместе с тем упрямо опускает голову и начинает разглядывать свои кроссовки. Бабка говорит:

– Дом скоро будет готов. И я позову вас, девочки, сюда жить, но не теперь. Пока еще я считаю и Свету, и Иру не заслужившими эту честь, – обратилась она к Сашке.

Тот, не шелохнувшись, продолжал смотреть себе под ноги. Марья Степановна разочарованно вздохнула и громко, раздельно приказала нам:

– А теперь – немедленно домой спать! Вот я и увижу, как вы умеете слушаться. Когда позову обратно – чтобы тут же были здесь.

Мы со Светкой рванули с места и кинулись бежать по знакомой серой дорожке назад, к трамваю. Скорей, скорей! Вон он – ждет нас с открытыми дверями, но уже развернутый туда, откуда мы приехали. Рывком, запыхавшись, мы вскочили в вагон. Он опять несколько раз прозвенел и полетел назад через дождь и ураган. Снова мы в страхе смотрели в окно на хлещущие струи ливня и думали: «Как же хорошо там, у бабки! Тихо, спокойно, солнце греет. Ну, и пусть стены прозрачные»...

Приехали, наконец. Вот наш дом! Скорее по ступенькам в подъезд, одним духом – к своим дверям. Затылком чувствую ветерок: это Светка летит мимо меня к себе на пятый этаж. Так, вхожу домой. Где там моя кровать? Старуха велела спать, пока не позовет. Валюсь на подушку, закрываю глаза и радостно вздыхаю: ну вот, уже сплю, порядок не нарушен!

Глава 9. Светка думает

... Мне кажется, едва я успела прилечь, как звонки трамвая раздались снова. «Уже пора! – тревожно подумала я. – Надо просыпаться и ехать, Марья Степановна зовет».

Открывать глаза ужасно не хотелось, Ну, неужели трамвай не может чуть-чуть подождать, пока я проснусь? Если мы приедем к бабке на пять минут позже, ничего же не случится. Но громкие трели продолжались! И стали, между прочим, гораздо длиннее. Я с трудом разлепила веки, села на постели. Это уже звонят в дверь! Светка, наверное, сама пришла меня поторопить, чтобы мы поскорее явились к старухе и не рассердили ее. Я встала и быстро, как только могла, побежала открывать.

Когда дверь распахнулась, Светка вихрем ворвалась в прихожую и спросила меня:

– Ты что, до сих пор спишь?!

– Ну да, – пробормотала я. – Но я сейчас оденусь, умоюсь, и тогда мы...

– Так умывайся скорее! – нетерпеливо сказала подруга. – Я уже полчаса в дверь звоню.

Думала, что ты ушла куда-нибудь.

– Что ты, разве можно взять и уйти? – возразила я. – Я же помню, что пора ехать.

– Куда еще ехать? – недовольно спросила Светка. – Будто у нас с тобой дел нет.

– Конечно, есть. – успокоила я ее, бегом бросаясь в ванную. Наконец-то я окончательно проснулась. Включила воду, схватила зубную щетку, ополоснула ее и выдавила сверху пасту. Вот соня! Заставила подругу ждать, и теперь нам обеим попадет от бабки. Как награвит старуха на нас своих мышей-строителей – не обрадуемся! Укусы Пики по сравнению с этой казнью покажутся Ире и Свете просто легкой щекоткой.

– Ну вот! – торжественно провозгласила Ковалева, стоя в дверях за моей спиной. – Дело не в мыши!

Я в это время чистила зубы и потому невнятно прошептала:

– Конечно, не в ней. Их там тысячи...

– Да я не про всех мышей в мире говорю, – возразила подруга. – Остальные пусть хоть провалятся!

«Ого! – удивилась я, плеща себе в лицо водой. – Только-только Светочка перед Марьей Степановной в струнку тянулась, а теперь вон как раздухарилась. Посмотрим, что ты, милая, скажешь на месте, когда мыши нас всей оравой встретят да в стеклянный дом заведут».

– Я тебе говорю про Пику! – продолжала настаивать Светка. – Она вообще не мышь, это точно.

«Еще лучше, – горестно подумала я, выбегая из ванной и направляясь в детскую, чтобы одеться. – Ковалевой, конечно, обидно, что она так и не справилась с несчастной Пикой, вот и оправдывается. И ехать не хочет. Я тоже уже не очень хочу, но ведь надо».

Все, я в шортах и футболке. Бодро говорю подруге, которая смотрит на меня с любопытством:

– Ну, теперь можно ехать!

– Куда? – недоумевает Ковалева.

– К Марье Степановне, – отвечаю я, понимая в душе: струсившей подружке надо дать время, чтобы она смогла преодолеть малодушие.

– Ха-ха-ха! – смеется Светлана. – Ну, поезжай! – и показывает пальцем в окно. – Смотри, вон она опять в универсам побежала со своей сумочкой. Если быстро заведешься, еще, может, и догонишь. Хи-хи-хи...

Я ошеломленно смотрю на улицу и действительно вижу фигуру старухи, пересекающей двор с огромной сумкой в руке.

– Нет, можно даже лучше! – не унимается подруга. – Зачем тебе бензин напрасно тратить? Бабка уже скоро назад придет! Так ты к ней лучше слетай – вот на этом! – и она, трясясь от смеха, показывает на Митины воздушные шары, связанные вместе ниткой и висящие на ручке шкафа.

– Бабка прибежит к подъезду, хлопнется на лавочку, чтобы передохнуть. А тут ты с балкона вылетаешь, приземляешься на асфальт и говоришь:

– А вот и я! Вы рады?

Светка с хохотом падает на кровать, а я только сейчас вполне осознаю, что произошло. Да это же был сон! И трамвай, несущийся сквозь бурю, и мы с подругой, в ногу идущие по плитам, и Марья Степановна со своими мышами, и упрямый Сашка, и преданная старухе Пика... Но почему все оказалось неправдой? Ведь наши приключения разворачивались так же ярко и зримо, как в жизни! А получается, что я просто спала и никуда не ездила ни на каком трамвае!

Я потрясенно прислоняюсь к стене у кровати. Светка сразу перестает смеяться.

– Ну, ладно, Ир, – тихо говорит она. – Я больше не буду, извини. Не летай ты совсем, если не хочешь!

– Знала бы ты, что мне снилось! Тогда бы уж точно не хохотала, как дурочка, – сердито бросаю я подруге. – И в этом сне, между прочим, ты тоже была. А еще бабка и Сашка Иноземцев.

Светка с интересом смотрит на меня и ждет, что я ей расскажу. Только теперь я замечаю в руках у Ковалевой какую-то большую и толстую книгу, заложенную полоской бумаги.

– Зачем это? Мы ее что, читать с тобой будем, как «Гарри Поттера»? – ехидно спрашиваю я.

– Да нет, при чем тут «Гарри Поттер»? – сразу загорается подружка, не замечая моей подначки. – Ты знаешь, я вчера уснуть не могла. Только вспомню, как эта мышь на ступеньке сидит, хвостом машет и нам большой палец показывает – ну, ты знаешь! – сразу начинаю думать: что тут не так? – и верчусь с боку на бок. И понимаю: не то странно, что Пика ведет себя по-человечески. Это и раньше было! Она только кусается, как мышь, а остальное... Короче, я не выдержала, встала ночью и нашла вот эту книгу. Смотри!

Она подала мне том, и я прочитала на темно-вишневой обложке тисненное золотом название: «Энциклопедия животных». Ну, и что? Я вопросительно посмотрела на подругу, а она открыла книгу на том месте, где была закладка:

– Теперь смотри сюда! – Светкин голос звучал победно.

Сверху на странице было крупно написано: «Семейство грызунов». И дальше более мелким шрифтом: «Представители данного семейства относятся к классу млекопитающих. На территории нашей страны обитает около ста пятидесяти видов этих животных, многие из которых очень вредят сельскому хозяйству...» Ну, ничего нового я пока для себя не открыла. И вообще! Пика вредит нам, а не сельскому хозяйству, что не оправдывает ее ни в каком смысле! Я опять вопросительно взглянула на подругу. Она ткнула пальцем в рисунки на середине страницы:

– Посмотри на них. Вот мыши!

Картинки действительно изображали разные виды серых зверушек; полевку, степную пеструшку, домовую мышь и даже какую-то желтогорлую. По-моему, они были очень похожи на Пика. Но я так-таки не могла понять, из-за чего волнуется Светка. А она после долгой паузы с надеждой спросила меня:

– Ну, теперь ты понимаешь, почему она не мышь?

– А кто? – тупо осведомилась я. – На зайчика Пика совсем не похожа... Хотя он тоже грызун...

Подруга даже завывала от досады на мою глупость. Я невольно подумала, как она изменилась за несколько прошедших дней: раньше и представить было нельзя, что Ковалева может

вести себя столь несдержанно. Выдохнув воздух, Светка уже спокойно (даже подозрительно спокойно, будто полной идиотке) сказала мне:

– Ты видишь, какие у них лапки?

Я видела. Обычные. Мышиные.

– Сосчитай пальцы! – задуманным голосом посоветовала мне подруга.

Я посчитала. Четыре. Причем у всех.

– А у тебя сколько? – совсем уже ласково поинтересовалась Ковалева.

– Пять, – на всякий случай подумав, ответила я.

– Ну, так вот! – завопила подруга, ударив рукой по раскрытой странице. – Значит, у них нет большого пальца, понимаешь?! И не могут они сжать кулак и выставить этот палец вверх! Нет его! Теперь ты согласна, что наша Пика – не мышь?

– Согласна, – тихо сказала я, понурившись, в полной прострации из-за своего скудоумия.

Ну, почему я в последнее время так пасую перед Светкой? Просто обидно до слез! Вот и теперь она, только взяв с полки книгу, сразу сообразила про эти пальцы. А я, как говорится, смотрела туда же, а видела фигу...

– Ничего, Ир, – утешила меня подруга, заметив, что я чуть не плачу от огорчения. – Это ты еще не проснулась. Я сегодня ночью тоже не сразу обо всем догадалась – наверное, час «Энциклопедию» читала и рисунки смотрела. Там на другой странице – суслики, хомяки, крысы всякие, – тоже грызуны. Я, знаешь, думала сперва, что Пика – это такая замаскированная крыса, они ведь очень умные и бесстрашные. И человеку всегда больше других грызунов вредили, хотя рядом с ним жили и питались. И справиться с ними было никому не под силу, кроме Гаммельнского крысолова – а это, как известно, сказка. Я, понимаешь, когда хорошо рассмотрела серую крысу, – Светка перевернула страницу, – она еще называется пасюк, сразу поняла, что наша мышь – это не то. Пика – не такая злая.

Действительно, довольно крупный, по сравнению с другими своими родственниками рядом, пасюк на картинке выглядел устрашающе. Он стоял на задних лапах и что-то, насто-рожившись, высматривал. Его длинная морда со вздыбившимися усами выражала такую дерзость, хитрость и звериную жестокость, что меня передернуло.

– Да, – сказала я, подняв глаза на подругу. – Такой грызунчик точно не будет слушать «Гарри Поттера» и расстраиваться, что я взяла мамины серьги...

– И радоваться, что мы накормили Сашку, – закончила Светка. – Ты знаешь, мне только одно обидно – что я про эти пальцы случайно догадалась, когда уже хотела книгу на полку ставить. А должна была логически.

– Ты что?! – закричала я. – Да ты молодец! И пускай случайно! Главное, мы теперь знаем: Пика – не крыса, но и не мышь.

– И вообще неизвестно кто, – грустно сказала подруга. – И как это выяснить, я не представляю.

Опять двадцать пять. Вот всегда Светка так: нет ей покоя, пока она не поймет до конца то, что хочет. А тут – будет ли вообще конец? И, однако, пора хоть кофе выпить: утро-то уже давно началось.

– Слушай, ты завтракала? – оторвала я подругу от печальных дум.

– Нет! Когда мне было? – Светка горько вздохнула. – Я утром, только проснулась, сразу к тебе побежала, рассказывать, такая радостная! А получается, что я снова про Пику ничего не знаю. Подумаешь, открытие сделала! Мы вот тоже с тобой – не кошки, шерсти у нас нет. Ну и дальше что?

Тут я просто схватила подругу за руку и потащила на кухню. Придвинула ей табурет, а сама стала варить кофе. Но Светка не могла сидеть – она слонялась от окна к кухонной двери до тех пор, пока от горячей турки с кофе не поплыл во все стороны бодрящий аромат.

– Садись, – сказала я Ковалевой и быстро наполнила кружки. – Сейчас печенье достану и сыр.

Тут подружка оживилась и, устроившись за столом, стала накладывать себе в кофе сахар и наливать молоко. Ну, наконец-то отвлеклась. А то я уже думала, что буду есть в одиночестве. Впрочем, откусив печенье, Светка совсем очнулась от задумчивости и спросила меня с любопытством:

– Слушай, а что за сон ты видела?

Нашла о чем вспоминать! Вот уж это я как раз хотела побыстрее выкинуть из головы и потому промолчала.

Но подружка отставать не хотела. Она пытливо заглянула мне в глаза и попросила:

– Ну, Ира! Ну расскажи, куда ты там ехать собиралась. Ты до сих пор еще на меня обижаешься?

– Нет, – ответила я, прожевав сыр. – Но вспоминать неохота. Тем более... это был только сон.

– У нас дома есть сонник, – сообщила Светка и придвинула к себе вазочку с вареньем. – И ты знаешь, что там в предисловии написано?

– Ну, что? – недоверчиво буркнула я.

Почему, интересно, у моей подружки вдруг глаза заблестели?

– Слушай. «Понимать язык снов – это искусство, которое, как и любое другое искусство, требует знаний, таланта, труда и терпения». И сказал это какой-то Э. Фрамм.

– Ты что, веришь в сны?! – изумилась я.

– Верю, – серьезно подтвердила Светка. – Хоть и не каждый из них сбывается точно, но кое-что верно. Вот, например, если только приснится: у меня вырвали зуб, или он выпал, или почернел – обязательно неприятности будут. А если увижу сырое мясо, то заболую.

Вот так так! Моя подруга, любящая математику и шахматы, верит в сны? Есть от чего прийти в смятение. Это я должна в них верить – я, потому что... Ну, понятно! Потому что это у меня, как говорит наша учительница по литературе, ярко выраженное образное мышление, а не у Ковалевой.

– Ну, чего ты удивляешься? – спокойно, как обычно, спросила Светка, допивая кофе. – Думаешь, в снах нет логики? Она есть! Но только необычная – не та, что принята в реальной жизни. А если тебе сегодня приснилась я, и старуха, и Сашка, то ясно: это случилось не просто так. Расскажи мне побыстрее, Ир! Вдруг мы еще что-нибудь пойдем, если разгадаем сон?

– Ладно, – вяло сказала я. – Помоги со стола убрать.

Куда только делась обычная подружкина неторопливость! Через секунду вся посуда свалилась в раковину, через десять она, вымытая, блестела на мойке, через восемь был протерт стол и открылась дверь из кухни. Вот мы уже сидим в комнате на диване, И я, вздохнув, начинаю свой рассказ...

Светка слушала не перебивая, затаив дыхание. Правда, когда Ковалева представила нас вместе, печатающих шаг на серой дорожке, сразу захохотала:

– И ты тоже так шла? И получилось?

Вот ехидина! Это она, конечно, вспомнила, как «четко» я вышагивала на ОБЖ, когда уже не смогла от этого отвертеться под строгим взглядом нашего майора, Виктора Петровича. «Ну, погоди! – подумала я. – О тебе-то речь впереди».

И я не ошиблась: сообщение о том, как Светка, вытянув руки по швам, докладывала Марье Степановне о нашем прибытии, возмутило подружку до глубины души.

– Я лебезила перед бабкой?! – закричала Светка. – Ты врешь, не может такого быть!

– Но ведь логика в снах совсем другая, – подколола я подружку. – Вот и думай, что это означает.

Услышав о стеклянных стенах, возводимых тысячами мышей, Светка оживилась, и видно было: ее голова опять заработала. Но объяснение Марьи Степановны, почему именно следует жить за стеклами, опять вывело подружку из равновесия.

– Вон чего захотела! – воскликнула Ковалева. – Я знаю, что она за всеми только и следила бы день и ночь, если бы могла. Ну уж фигурки, у нас-то в доме стены из камня.

– Да ведь это сон, – напомнила я ей елеинным голосом. – Ты не возмущайся, Света, ты логику ищи.

И стала продолжать. Мой рассказ о мышах, смотрящих на облако, очень позабавил подругу, и она засмеялась. А вот про наше поспешное бегство назад к трамваю и про жгучее желание скорее уснуть, как велела старуха, и вернуться по ее первому зову Ковалева слушала надувшись. Рассказ о Пике, заглядывающей в глаза Марье Степановны, ее ничуть не удивил: она удовлетворенно кивнула. А упрямством Сашки, не желающим выполнить какое-то требование старухи, моя подруга очень заинтересовалась и вновь задумалась, наморщив лоб.

– Ну, а потом ты стала звонить в дверь, а я думала, что это трамвай за нами приехал и пора нам уже переселяться в стеклянный дом. Теперь поняла? – спросила я у Светки в завершение.

Она молча кивнула и взглядом попросила у меня пока не спрашивать ее ни о чем. «Пожалуйста! – подумала я, откидываясь на мягкую спинку дивана. – У меня и без того язык устал от долгого рассказа. Лучше отдохну и подожду, пока ты, Светочка, не растолкуешь, что же мне приснилось минувшей ночью».

Полная тишина царил в комнате. Никто не мешал Ковалевой размышлять об услышанном. Только ветер доносил со двора крики малышей, да торопливо тикали часы.

– Знаешь, Ира, – подала, наконец, голос моя подруга, – твой сон трудно объяснить. Он имеет, конечно, смысл, но... понимаешь, художественный, как в романах. А в этом ты лучше меня разбираешься. Давай вместе думать.

– Давай, – с готовностью согласилась я, пряча улыбку (ну, наконец-то и я пригодилась! – не хуже Светки с ее железной логикой).

– Я могу сказать тебе одно, – начала подружка. – То место, в котором мы побывали во сне – это как бы старухин рай. То есть она его себе так представляет: кругом ровно, гладко, подстрижено. Тишина и покой – даже воробьи не чирикают. В общем, порядок.

– Правильно, – поддержала я. – А она этим порядком командует строго – облакам и то летать не дает.

– Но почему мы с тобой в твоём сне перед бабкой пресмыкаемся, я не понимаю, – сердито сказала Светка. – Ты еще ничего: и думать успеваешь, и сомневаться, и вопросы задавать – хотя бы про осмотр. А я – совсем дура, только выполняю команды, как робот. Можно подумать, я всю жизнь только и мечтала: ах, попасть бы побыстрее в стеклянный дом, чтобы Марье Степановне угодить.

Озорная мысль пришла мне в голову, и я не могла отказаться от соблазна посмеяться над подругой.

– Знаешь, Света, – невинным голосом сказала я, – может быть, в этом что-то есть.

– Что есть? – подозрительно осведомилась Ковалева.

– Ну, понимаешь, Марья Степановна любит подстриженные газоны, подогнанные плитки, тишину и дисциплину в жизни. А ты – в мыслях. Вот потому тебе у нее в «раю» и хорошо, – рассмеялась я, – что везде порядок полный, строже некуда. Все на своем месте, никто не пытается отсюда убежать и делать что-то свое, не разрешенное старухой. Ты тоже любишь, чтобы любая мелочь сразу бы объяснялась, раскладывалась по составляющим и имела свой номер. А если у тебя это не получается – ну, например, ты не можешь понять, кто такая Пика, – то сразу злишься, и дуешься, и опять стараешься подчинить факты своему уму. У Марьи Степановны бзик на чистоте, тишине и хорошем поведении, а у тебя – на силе твоей логики. Вот вы там и спелись, как лучшие подруги.

– Ну, знаешь, – растерялась Светка, и в ее глазах блеснули слезы. – Не ожидала от тебя. С кем меня сравнила! Бабка нас хочет за прозрачные стены посадить, а я... борюсь с ней. И никогда бы я с подлой дрессировщицей не спелась. Вруша ты, а не подруга.

– Да ведь это сон, – опять напомнила я ей, пожав плечами. – Ты сама говорила, что у него – особый смысл, который надо разгадать. Вот я и стараюсь, а ты злишься.

Светка замолчала, видимо, решая, продолжать ли разговаривать со мной дальше или, обидевшись, уйти домой. Как я и надеялась, победило ее вечное желание расследовать и разъяснить (а еще возмущается!). Вздохнув в последний раз, подруга спросила:

– Слушай, а как ты думаешь, почему, когда мы едем к бабке, а потом оттуда – домой, ревет ураган, идет ливень и всякое такое?

– Наверное, ненастье разыгрывается для того, – сразу нашлась я, – чтобы нам очень захотелось из ужасного хаоса поскорее попасть в бабкин порядок – там ни дождя, ни ветра, ни шума. Тепло и тихо, и все за стеклянными стенами сидят, дисциплину соблюдают.

– Молодец! – с уважением сказала Светка. – Я бы до такого не додумалась. Точно, старуха нас в свой «рай» заманивала. И мы, дуры, поддались – назад к ней ехать хотели.

– А вот интересно, почему в жизни у Марьи Степановны – одна мышь, Пика, – мой голос окреп от Светкиной похвалы, – а во сне их было много? Они просто горизонт закрыли, даже не удалось разглядеть, что расположено вдали, за стройкой. Как ты думаешь?

– Потому что твой сон – воплощенная старухина мечта. А эту мечту ей еще исполнить надо. Вот Марья Степановна и захотела, чтобы у нее было много таких, как Пика, – прозрачные дома строить, газоны подстригать. А себя она вообразила их царицей: кому же фантазировать запретишь!

– Возможно, – кивнула я в ответ, – но почему тогда мыши иногда ее не слушаются? Ты помнишь? Как только она перестала за строителями надзирать, они на облако засмотрелись – причем все до единого!

Тут «мозговой центр» признался, что этого он не знает (пока! – ну ясно, разве может быть иначе?). И еще он очень хотел бы сообразить, чем в моем сне не угодил старухе Сашка? Что мальчишка не стал делать по ее приказу? И хорошо бы понять это сейчас, до встречи с Иноземцевым, которая должна произойти сегодня. Тогда из Сани наверняка можно будет побольше вытянуть.

– Не спеши, – осадил я разгорячившуюся подругу. – С этим еще рано разбираться. И не надувайся, а то к старухе поедешь. Там, у нее, ты все сразу понимать будешь и разные тайны в секунду разгадывать, как компьютер. Но если это случится, твоей подругой будет Марья Степановна, а не я!

– Вредная ты, Ирка, – засмеялась в ответ Светлана, смекнув, куда я клоню. – Ну да, я люблю разгадывать загадки, и как можно быстрее – ты права. Но, если бы не моя привычка анализировать, мы с тобой до сих пор ничего не понимали бы и тряслись от страха перед Пикой, как зайцы.

– Конечно, ты у нас голова, – согласилась я, – и за это я тебя уважаю. Но пойми, что некоторые вещи не сразу можно взять умом, а кое-что и вообще нельзя. Я вот в третьем классе долго не понимала дроби, пока папа не стал со мной заниматься – и ничего, не сходила о с ума от горя. А ты сумеешь объяснить, почему видеть во сне сырое мясо – к болезни? Ну-ка, попробуй. Я послушаю.

Светка растерялась. Вместо того, чтобы ответить на заданный вопрос, она удивленно воззрилась на меня, стараясь сообразить: как же получилось, что я ее оставила в споре? При чем не на литературную тему!

– Ладно, не расстраивайся, – я великодушно похлопала подругу по плечу. – Ты у нас – самая умней, кто бы в этом сомневался? Но – не заносись, поняла? А то станешь «бабкой из двадцатой».

Светка хотела рассердиться, но передумала. Когда тут ссориться?

– Надо как-то Сашку Иноземцева во двор вызвать и спросить, что он знает о Марье Степановне, – предложила подруга.

«А может, – вдруг подумала я, – о Пике он знает тоже?» Я принялась было с разных сторон обдумывать эту интересную мысль, но Светка уныло заявила:

– Совсем забыла. Мне же надо сейчас дома белье погладить, я маме обещала. Она сегодня как увидела, что я с утра куда-то собираюсь, сразу поняла, что к тебе, и говорит: «Вы вместе с Ирой скоро дома вообще появляться не будете. Ты мне совершенно перестала помогать, только и знаешь на улице бегать. Я сейчас в институт на консультацию поеду, а ты чтоб все выгладила!» Ну, и я пообещала: надо же было поскорее тебе про пальцы рассказать.

Светка огорченно замолкла и пожала плечами. Что делать? Раз она обещала, пусть идет помогать тете Тане. Тем более, что мы еще не придумали, как вызвать Сашку на разговор. А вдруг он сегодня (трудно такое представить, но бывает же невезение!) вообще не появится во дворе? А если и появится, можно ли будет к нему с подобными вопросами подступиться? Иноземцев ведь не особо болтливый и далеко не наивный мальчишка, чтобы взять и откровенно все нам рассказать. Мы обе это прекрасно понимали.

– Ладно, иди, Свет, – ободряюще сказала я опечаленной подруге. – Гладь свое белье. Когда закончишь, возвращайся, что-нибудь придумаем.

Проводив Светлану, я вошла в большую комнату взять из книжного шкафа книгу. Уже открыв дверцу, я случайно бросила взгляд на журнальный столик и увидела там листок бумаги. Так! Это ведь, наверное, мне записка. Действительно, на тетрадной странице маминым почерком стояло:

Ириша! Сходи, пожалуйста, в магазин за покупками.

Целую. Мама.

Внизу помещался список продуктов, и не очень маленький. Да что наши мамы, стоворились, что ли, мешать нам в важных делах?! Вот возьму и не пойду! Но мне тут же стало стыдно. «И ни при чем здесь дела, – покаянно подумала я. – Не собиралась ты, Ира, ими заниматься. А хотела ты читать, вот и возмущаешься».

Я оглянулась по сторонам: нет ли где мыши? Она, проныра, вечно все знает и про то, что я думаю, и чем занимаюсь. Небось, сейчас откуда-нибудь вылезет, нахалка!

Под книжным шкафом зашуршало. «Явилась, – с досадой подумала я. – Шпионка! Я и бунтовать передумала, а она уже здесь со своими зубами».

Шорох сразу затих и больше не повторялся. Еще послушав некоторое время, я поняла, что Пика исчезла. Обошлось на этот раз без ее усатой морды.

Ну что ж, надо было двигать в магазин. Я положила в кошелек лежавшие под запиской деньги, отправила туда же список нужных покупок, взяла сумку и вышла из дома.

А погода стояла великолепная! Зря я упиралась, не хотела прогуляться. На улице ветерок нес мне навстречу легкую пыльцу, громко и весело (совсем не так, как в моем сне) суетились и чирикали воробьи возле большой голубой лужи, Мягко шелестели листвой тополя. Люди вокруг тоже показались мне радостными, беззаботными, вполне довольными жизнью и собой. Какой-то малыш в белой панамке, едущий навстречу на трехколесном велосипеде, сделал грозное лицо и стал звонить в звонок, приказывая мне немедленно убираться с его пути. «А иначе, – подумала я, – он возьмет и задавит нарушительницу правил дорожного движения».

Мне захотелось, чтобы бутуз перестал сердито хмуриться и развеселился. Я сделала испуганное лицо, крикнула: «Ой, боюсь!» и отбежала в сторону. Мальчишка захохотал так, что выпустил из рук руль и чуть не свалился со своего красного драндулетика. Засмеялась и его мама, уже догонявшая сзади своего мелкого сыночка.

Настроение у меня было просто отличное! Я даже на время забыла о неприятностях, случившихся в последние дни. Тем более что купить продукты по маминому списку оказа-

лось непросто. Зеленый лук и редиску, например, продавали только в одном месте – возле универсама. А в самом универсаме не оказалось низкокалорийного йогурта (знаете, в таких больших пластиковых ведерках по пол-литра?). Мама у нас в последнее время старательно худела. И поэтому йогурт в записке был подчеркнут аж три раза. Значит, купить его необходимо! В конце концов, обойдя еще три магазина, я нашла его в последнем и, очень довольная, опустила в сумку. Все!

Идя домой, я снова вспомнила, как необходим нам с подружкой разговор с Иноземцевым. Не столько для меня, сколько для Светки. Я-то ведь уже почти примирилась с присутствием в моей жизни Пики – сколько бы там у нее ни было пальцев на руке (или на лапе?). Мне в последнее время почему-то не хотелось шалить – слишком многое вдруг свалилось на нас с Ковалевой, и было не до проказ. И еще я в душе была убеждена, что загадка Пики обязательно выяснится – не теперь, так позже.

«Тайное всегда становится явным, не так ли?» – размышляла я, помахивая сумкой. Но тут мне вспомнился сегодняшней сон, и хорошее настроение сразу отлетело в синюю даль. Еще неизвестно, какие планы вынашивает Марья Степановна! Может, появление Пики – это только начало жестокой мести нам со стороны зловредной старухи? В этом ее, как выразилась Светка, «раю» мышей полным-полно. И они усердно строят дом-аквариум. Для нас и для Сашки – а он даже об этом и не подозревает. Надо же ему сообщить, что нам троим грозит! Хорошо бы Светка, взяв утюгом, придумала, как вызвать скрытного мальчишку на откровенность.

Глава 10. Бои без правил

Увлеченная настойчивыми мыслями, я не заметила, как подошла к дому. Хорошо. Сейчас надо будет скоренько выгрузить продукты, забросить их в холодильник и бежать наверх к подруге.

Свернув во двор и спеша к своему подъезду, я еще издали увидела, что возле него у скамейки стоит мальчишка и выжидательно смотрит в мою сторону. «Сашка! – обрадовалась я. – Молодец, догадался, что нам пора поговорить».

Я убыстрила шаг, опасаясь: вдруг Иноземцев при виде меня передумает и уйдет куда-нибудь? Надо же, какая удача! А Светка дома гладит и не знает, что... «И хорошо, что не знает», – подумала я, резко сбавляя скорость.

У подъезда стоял не Сашка. Но это было еще не самое досадное. Пусть бы там околачивался кто угодно из мальчишек, но только не Шука. А это, к сожалению, был он. И я твердо знала, что ничего хорошего от неожиданной встречи мне ждать не приходится. Вот драки не избежать, это точно: ведь Шука уже давно меня увидел и стоит на моем пути домой не просто так, а с большим желанием нагадить. И как я, дура, раньше не узнала негодяя?! Он же выше, плотнее Сашки и одет иначе – в самое модное, с иголочки.

Конечно, если бы я, идя из магазина, не думала все время об Иноземцеве... К тому же на голове Шуки была низко надвинутая кепка-волан, совершенно закрывавшая волосы. А то бы я его рыжую шевелюру еще издали узнала! Что ж, теперь ничего другого не остается, как ввязываться в скандал, потому что ясно: добром мерзавец меня в подъезд не пропустит...

Этот Шука (вернее, Ленька Шукин) тоже учится в нашей школе, в параллельном классе. Если, конечно, это можно назвать учебой. Ленька – страшный тупица и лодырь, а потому уже дважды оставался на второй год. Конечно, вы можете возразить мне, что это – не такая уж и редкость и двоечники есть в каждом классе, а плохая учеба – еще не повод неуважительно относиться к человеку. Но я скажу вам: по моим наблюдениям, есть двоечники и – двоечники. Первые – люди добрые и беззаботные, счастливые уже тем, что не корпят над учебниками, вернувшись домой с занятий (как остальные ученики, менее удачливые, чем они). В школу они ходят только для того, чтобы их оттуда не выгнали совсем (если будут прогуливать), на уроках занимаются всякой ерундой: плюются жеваной бумагой, рисуют карикатуры и т. п. Их жизнь – сплошной праздник (и в классе, и дома). Они гуляют на улице сколько хотят, имеют здоровый цвет лица и веселый компанейский характер. Таких, к счастью, большинство.

А вот вторые – люди совершенно другого сорта. Не желая учиться сами, они терпеть не могут «отличников», то есть тех, кто учится. Они просто вылезают из себя, видя чужой успех рядом с собой, на соседней парте. Каждый блестящий ответ, каждая высокая оценка любого из одноклассников действуют на них, как красная тряпка на быка. Их вечно разъедает зависть и злоба к тем, кто успевает лучше их, но при этом (вот чего я не могу понять!) они совершенно не хотят и не собираются учиться лучше – так, как «отличники». Ничего подобного! Они мечтают, наоборот, «отличников» опустить до своего уровня – а то почему они смеют быть лучше их? Девиз подобных двоечников прост, как прищепка: «Я не учусь, и ты не вздумай!» В общем, они – злобные безнадежные дурни.

Ну что, согласны со мной? Узнали кого-нибудь из своих знакомых и одноклассников? Уверена, что да.

Так вот, Шуку, который ждал меня у подъезда, с полным основанием можно отнести ко второму типу. Он не выносит нас со Светкой, потому что мы хорошо учимся. Счастье еще, что не в одном с ним классе. Мы знаем, как он третирует своих одноклассниц – «отличниц»: дергает их за волосы, обзывает, а иногда даже лупит. У них в 6-Г есть еще, кроме этих девочек, двое мальчишек, которые отлично учатся. Их он почему-то не трогает – может, боится

получить сдачи? Зато тем из одноклассников, кто носит платье, а не брюки, достается по первое число! Родителей Шуки вызывают в школу чуть ли не каждую неделю, но он продолжает свое. Мамы и папы обиженных им девчонок уже и заявления не раз писали, и на педсовет целую делегацию направляли, чтобы Леньку исключили из школы как злого хулигана. Но им учителя отвечают одно: «Нельзя. Мы не имеем права лишать ребенка образования». Не знаю, может быть, я чего-то не понимаю, но – на мой взгляд – это дикая чушь. Во-первых, никакого образования Ленька не получает, оно ему до лампочки. Во-вторых, хорошо учителям быть добрыми – ведь не им от Шуки достается, а несчастным девчонкам, которые и ответить ему не могут так, как надо, и знают, что жаловаться на агрессора бесполезно. Шука неуязвим! По моему, учителя не имеют совсем другого права – заставлять страдать от Ленькиной ненависти его беззащитных одноклассниц. Как же нам со Светкой повезло, что мы оказались не в их числе! Правда, мы живем с ним в одном доме, но это неизмеримо легче: Шукина приходится опасаться только на улице (а гуляет он редко – о том речь еще впереди), И двор не школа: всегда можно, в крайнем случае, просто убежать домой, оставив Леньку с носом. К тому же мимо постоянно спешат прохожие – наша главная защита от хулиганов.

Но мы все равно много перенесли от Шукина. Именно он придумал звать нас «ботаничками» и, видно, надеялся, что мы со Светкой от такой обидной (по его мнению) клички умрем с горя. Мы в ответ только смеялись, а подружка сказала ему при всех презрительно и спокойно: – Лучше быть «ботаничками», чем такой туполобой рыбой, как ты!

Выпад с намеком на прозвище до того взбесил злыдня, что он сразу, сжав кулаки, ринулся в драку (обычно этот подлец сначала старается убедиться, что рядом нет никого из взрослых). И Светке (как и мне – я никогда не бросаю друзей в беде) пришлось бы очень плохо, но на Ленькину беду мимо как раз шел наш добрый сосед Иван Петрович (помните, я вам про него рассказывала?). Увидев, как Шука съездил со всего размаха моей подружке в ухо, он сразу подбежал к нам, схватил дурака за шиворот и грозно спросил:

– Кто тебя научил бить девочек? – и отвесил ему звонкую оплеуху. Ленькина голова мотнулась вперед, гад от страха выпучил глаза и заорал:

– Простите меня! Я больше не буду!

Иван Петрович отпустил воротник его рубашки, сердито погрозил пальцем и сказал:

– Что, не нравится? Смотри мне!

И пошел к подъезду, тяжело ступая и сутулясь. Ребята восхищенно переглядывались – ведь Ленька многим успел насолить за свою жизнь. Шука, растерянно моргая, смотрел вслед нашему соседу. Видно, здорово ошалел от неожиданной взбучки – так, что даже про нас забыл. Мы, конечно, воспользовались удобным моментом и потихоньку удрали, пока враг не опомнился.

Кстати, при всем своем неприятии прозвищ – а ведь они бывают очень обидными! – я должна признать, что Леньке очень подходит его кличка. Конечно, она к нему приклеилась из-за фамилии, но – до чего удачно! У мерзавца длинный нос, втянутые щеки и очень мелкие, косо посаженные зубы. Когда он злится или дразнит кого-нибудь, то вытягивает голову вперед на своей длинной шее, прищуривает глаза и оскаливает зубы в ехидной улыбочке. Ну, точно щука выглядывает из гущи водорослей! Сейчас она метнется на мелкую рыбешку и слопает ее без сожаленья! А вы понимаете, как неприятно чувствовать себя в роли предполагаемой добычи? Нам со Светкой иногда приходится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.